

ЛУЧШИЕ БИОГРАФИИ

ПЕТР
Мультатули

ИМПЕРАТОР
НИКОЛАЙ II
МУЧЕНИК

Петр Валентинович Мультатули

Император Николай

II. Мученик

Серия «Император Николай II», книга 2
Серия «Лучшие биографии»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29606463
Император Николай II. Мученик: Вече; Москва; 2016
ISBN 978-5-4444-8908-6

Аннотация

Даже для современного читателя фигура Императора Николая II остается загадкой. Кем был Святой Царь-Мученик как человек и как государственный деятель? На эти вопросы отвечает в своем труде известный исследователь жизни Николая II кандидат исторических наук П. В. Мультатули. В данной книге фундаментального биографического проекта, продолжающей книгу «Император Николай II. Человек и монарх», автор рассматривает период царствования Николая II с 1906–1907 гг. до крушения Российской Империи. Большое внимание уделяется роли Императора в реформировании российского общества, его отношениям со Столыпиным, сложному узлу Балканских проблем и участию России в Первой мировой войне.

Отдельно автор разбирает обстоятельства мученической кончины Николая II и его семьи. Представляемая на суд читателя работа является на сегодняшний день наиболее полной биографией Святого Царя-Мученика.

Содержание

Часть I. Во главе обновленной империи	6
Глава 1. Борьба за сохранение неблокового статуса России и недопущение европейской войны. 1906–1908 гг.	6
Глава 2. Обновление Империи	48
Глава 3. Боснийский кризис	139
Конец ознакомительного фрагмента.	155
Комментарии	

Петр Мультатули
Император
Николай II. Мученик

© Мультатули П. В., 2016

© ООО «Издательство «Вече», 2016

* * *

Часть I. Во главе обновленной империи

Глава 1. Борьба за сохранение неблокового статуса России и недопущение европейской войны. 1906–1908 гг.

Альхесирасская конференция и вопрос о предоставлении России займов

Внешняя политика Императора Николая II после окончания Русско-японской войны не будет понятна, если не учитывать внутривластную обстановку, которая ей предшествовала. Очевидно, что именно революция 1905–1907 гг. имела решающее влияние на преждевременное окончание войны с Японией, которое в свою очередь привело Россию к поискам компромисса с её главным геополитическим противником Великобританией.

Русско-японская война серьёзно подорвала международ-

ный имидж России. Раздуваемая всеми её врагами кампания о слабости русской армии, о бездарности её командования, о косности бюрократического аппарата, об «огромных жертвах», якобы понесённых Россией в этой войне, сочетались с утверждениями, что царское Правительство способно успешно воевать только с собственным народом. Эта кампания способствовала созданию на западе образа России-пугала, огромного, кровавого и в то же время слабого, неспособного справиться даже с маленькой Японией. Левые европейские круги, тесно связанные с российскими революционерами, предсказывали скорое падение Монархии. Конечно, это сильно подрывало авторитет России в Европе, особенно во Франции, в которой всё чаще стали слышаться призывы разорвать союз с «царским правительством». Частные лица, которые ещё недавно с такой охотой подписывались на русские займы, теперь не решались на это и отзывали свои подписи.

В новой международной обстановке, сложившейся под влиянием военных неудач и революции 1905–1907 гг., Николаю II пришлось внести принципиальные изменения в свою внешнюю политику. Теперь Россия уже не была настолько сильна, чтобы проявлять активность одновременно в Европе, Центральной Азии и на Дальнем Востоке. По оценке Министерства иностранных дел, безопасность России к 1906 г. оказалась под угрозой *«на всём протяжении её восточных границ...»*^[1]

Если раньше Николай II ставил своей главной целью продвижение России на Восток при сохранении добрососедских отношений на Западе, то теперь речь шла о временном отказе от восточной экспансии и переключении внешней политики на Запад. Первой и самой важной причиной этого было катастрофическое положение с финансовыми средствами в России. Внутренний кризис вызвал падение курса российских государственных облигаций, вынудив Правительство выплачивать по ним высокие проценты. В ходе революции 1905–1907 гг. российские облигации, обращавшиеся в Западной Европе, существенно упали в цене.

Напуганные ростом революционного движения, представители российских деловых кругов и другие состоятельные люди стали в срочном порядке переводить золотые рубли в заграничные банки и тем самым еще более усложнили финансовое положение России. Появилась реальная угроза, что русская денежная система золотого обращения рубля, столь недавно созданная, может рухнуть.

Ещё во время своего нахождения в Портсмуте С. Ю. Витте вёл переговоры с американскими деловыми кругами во главе с крупным капиталистом Дж. Морганом о предоставлении России займа. Морган от лица американского делового сообщества отклонил предложение о распределении всего займа в САСШ, но согласился принять участие в международном займе^[2].

В декабре 1905 г. Витте, заручившись поддержкой фран-

цузского премьера М. Рувье, обратился к банкирскому сообществу Ротшильдов с просьбой принять участие в этой финансовой операции. Однако Ротшильды имели в Российской Империи не только экономические, но и политические интересы. Дом Ротшильдов был врагом русского Самодержавия и в немалой степени финансировал революцию 1905–1907 гг. На словах предоставление России займа Ротшильды увязывали с расширением прав русских евреев^[3]. На самом деле этот банковский дом стремился к устранению России как опасного экономического конкурента.

15 декабря 1905 г. Николай II поручил статс-секретарю В. Н. Коковцову отправиться срочно в Париж для получения небольшого займа. По словам Коковцова, этот заём преследовал две цели: *«не допустить введения принудительного курса, то есть разрушить введённое у нас с таким трудом денежное обращение, и получить некоторый аванс в счёт неизбежного большого ликвидационного займа»*^[4].

Кроме того, Государь поручил В. Н. Коковцову напрямую довести до сведения французского правительства о своей готовности поддержать Францию на предстоящей Альхесираской конференции, которая должна была начать свою работу в январе 1906 г. и урегулировать франко-германский спор вокруг Марокко. *«Я думаю, – сказал Николай II, – что моя поддержка, особенно ясно заявленная французскому правительству, помимо обыкновенной передачи через Министерство и нашего посла, могла бы быть особенно полезна»*^[5].

Государь велел В. Н. Коковцову на обратном пути из Парижа заехать в Берлин и добиться от банкира Мендельсона отсрочки платежей 1905 г., выплата по которым приходилась на весну 1906 г. Он должен был также объяснить императору Вильгельму цель своей поездки в Париж, дабы устранить всякие ее ложные толкования германской стороной^[6]. В. Н. Коковцов вспоминал: *«Государь сказал мне, что обострения между Францией и Германией по вопросу о Танжере его настолько беспокоят, что он не желал бы их усугублять, давая пищу выдумывать, что на меня возложено какое-либо политическое поручение, и что он предпочитает прямо и откровенно изложить через меня для чего именно я был в Париже и что мною там сделано»*^[7].

Деловой Париж встретил Коковцова неприветливо. Ему было заявлено, что во Франции не верят в быстрое подавление московского мятежа и революции в целом. Французские банкиры предлагали России отказаться от золотого обеспечения своей денежной единицы и ввести принудительный курс кредитного рубля. До тех пор, заявляли они, ни о каких займах для России речи идти не может. Не лучше встретили русского финансиста и политические круги Франции. Коковцов прождал главу французского кабинета Мориса Рувье около 2 часов, после чего тот неприветливо принял Коковцова и раскритиковал русскую экономическую политику во время Русско-японской войны. Рувье, однако, сказал, что готов быть посредником между русским Правительством и

французскими банкирами^[8].

Рувье высказал пожелание, чтобы Россия поддержала Францию на Альхесирасской конференции. Коковцов в ответ сказал, что Император Николай II уже выразил свою готовность поддержать Францию, и соответствующие указания посланы русскому представителю в Альхесирасе. Эти слова подействовали на Рувье самым благотворным образом, и он обещал Коковцову своё полное содействие в получении займа. Прощаясь, Рувье просил передать *«Его Величеству, что правительство Республики глубоко тронуте тем, как тонко оценил Император наше трудное положение и какую неоцененную услугу он нам оказывает, обеспечивая, конечно, сохранение мира, так как на конференции мы выступим компактной массой против наших противников, всегда рассчитывающих на наше несогласие»*^[9].

На встрече с банкирами Рувье энергично потребовал от них выполнить просьбу России о займе, а когда представитель «Лионского кредита» попытался возражать, Рувье на повышенных тонах сказал, что устойчивое положение денежного обращения в России нужно для Франции и для её правительства. Причём эту фразу французский премьер сопровождал *«такой энергичной репликой, что вся оппозиция замолкла»*^[10].

В результате 29 декабря/11 января 1905 г. Россия получила заём Парижско-Нидерландского банка, директором которого был Э. Нейцлин, в 267 млн франков (100 млн руб-

лей) под весьма выгодный процент. Эта сумма рассматривалась как аванс будущего большого международного займа^[11]. Получение Россией этого займа предстояло обсудить после окончания Альхесирасской конференции^[12]. Главную роль в положительном исходе поездки В. Н. Коковцова в Париж сыграло переданное Николаем II его заверение французскому правительству о поддержке в вопросе по Марокко.

10 января 1906 г. Коковцов, возвращаясь в Петербург, остановился в Берлине, где встретился с императором Вильгельмом. Встречу эту никак нельзя назвать тёплой, причём ни в прямом, ни в переносном смысле. Кайзер, который совершал прогулку по Тиргартену, заставил Коковцова более часа ожидать его в едва отапливаемом холодном помещении. Когда же, наконец, Вильгельм появился, то сухо предложил Коковцову прохаживаться вместе с ним по зале, чтобы не замёрзнуть, так как он, кайзер, озяб, а топить помещение не имеет смысла. Выслушав рассказ Коковцова о результатах его поездки в Париж, Вильгельм II также сухо и безучастно сказал: *«Я не большой финансист, и не совсем понимаю, почему России так нужно заботиться о своей денежной системе, когда у неё столько других забот»*. При этом Вильгельм спросил Коковцова, не считает ли он странным, что *«среди общего развала, среди постоянных волнений, которые могут снести всё, что есть ещё консервативного в Европе, две монархические страны не могут соединиться между собою, чтобы составить одно плотное ядро и защи-*

щать своё существование. Разве это не прямое безумие, что вместо этого, монархическая Россия через голову монархической же Германии ищет опоры в революционной Франции и вместе с нею идёт всегда против своего естественного и исторического друга?»^[13]

При этом «естественный и исторический друг» ни словом не обмолвился о том, что его правительство, пользуясь различными рычагами, оказывает давление на Англию и Францию с целью не допустить предоставления кредитов России. Кстати, по утверждению В. Н. Коковцова, одним из таких «рычагов» кайзера был не кто иной, как С. Ю. Витте, который в беседе с рейхсканцлером Б. фон Бюловом 25 сентября 1905 г. сообщал, что «ему удалось в последнюю минуту помешать заключению русского займа во Франции и Англии» при встречах с Рувье и Лубе в Париже^[14].

Коковцов от ответа германскому императору уклонился. Он «как бывший министр финансов, лучше, нежели кто-либо другой, понимал, что России для того, чтобы она осталась монархической, придётся ещё не раз выступать вместе с Францией против своего “естественного и исторического друга”»^[15].

Дальнейшее получение денег было связано с позитивным для Франции окончанием Альхесирасской конференции. 20 марта 1906 г. Государь снова поручил В. Н. Коковцову отправиться в Париж для заключения большого займа по ликвидации последствий войны^[16]. Визит Коковцова в Париж

совпал с резким обострением франко-германского спора из-за Марокко в Альхесирасе. Вообще, само проведение конференции явилось ярким образцом недалёковидности германского императора как дипломата. Ещё летом 1905 г., когда Вильгельм II настаивал на международной конференции, Рувье предлагал кайзеру покончить дело полюбовным соглашением между Парижем и Берлином, причём французы уступили бы Германии часть Марокко. Для Берлина это было весьма выгодное предложение, но кайзер на него не согласился. Впоследствии германская дипломатия весьма сожалела об этой ошибке Императора: случая утвердиться в Марокко уже больше никогда не представилось^[17].

В декабре 1905 г. между германской и французской делегациями возник острый спор по поводу марокканской полиции. Немцы считали, что полицейский надзор должен осуществляться марокканским султаном, а французы добивались мандата самим руководить полицией, в крайнем случае соглашаясь разделить это право с Испанией^[18]. Рейхсканцлер Бюлов на совещании в германском МИД 10/23 декабря 1905 г. высказал своё убеждение, что в случае если французы будут настаивать на своём мандате в Марокко, то Германии следует не допускать этого любыми средствами, вплоть до вооружённого конфликта^[19].

25 января/8 февраля 1906 г. М. Рувье попросил русского посла А. И. Нелидова телеграфировать в Петербург просьбу французского правительства «*о срочном вмешательстве*

в Берлине с поддержкой франко-испанского решения о полиции»^[20]. 27 января/10 февраля французский посол М. Бомпар на приёме у В. Н. Ламздорфа заявил, что вопрос о полиции – *«это гвоздь всей конференции»* и, как только он будет решён, успех её будет обеспечен^[21]. Бомпар намекнул, что парижский кабинет рассчитывает на личное вмешательство Императора Николая II^[22]. Ламздорф обещал доложить Николаю II о просьбе французского правительства^[23]. При этом Ламздорф в свою очередь намекнул послу, что вопрос с русской помощью по Марокко связан с вопросом французской помощи по займу.

На следующий день, 28 января, Ламздорф подал Государю докладную записку с изложением просьбы французского правительства. Николай II написал на ней резолюцию: *«Об этом вопросе я много думаю»*^[24]. Царь решил оказать давление на императора Вильгельма с целью смягчить его позицию по марокканскому вопросу, так как решимость германского императора настоять на своём неуклонно возрастала. Русский посол в Берлине граф Н. Д. Остен-Сакен писал Ламздорфу: *«Германия будет твёрдо держаться намеченной позиции, и что сам император будет настаивать на выполнении своей программы»*^[25].

Когда известие об этом дошло до французских правящих кругов, оно вызвало там неподдельный страх. М. Рувье был готов в очередной раз уступить немцам. Кайзер Вильгельм считал, что Франция полностью покорилась его воле и вся

конференция в Альхесирасе должна была эту покорность лишний раз продемонстрировать. Во время аудиенции германский император заявил А. П. Извольскому: *«Я бросил перчатку Франции по поводу марокканского дела, и она не осмелилась её принять»*^[26].

По поручению Николая II Ламздорф писал графу Н. Д. Остен-Сакену: *«Франция дошла до крайних пределов уступчивости, согласившись принять почти все пункты последних предложений Берлинского кабинета»*^[27]. Ламздорф считал, что эта позиция Берлина направлена не только против Франции, но и против России. *«Германскому правительству, – писал Ламздорф послу, – хорошо известно, что с благополучным окончанием Альхесирасской конференции тесно связан вопрос чрезвычайно важных для России денежных операций. Только с осуществлением последних, Императорское правительство в состоянии будет принять все необходимые меры к окончательному искоренению революционного движения»*^[28].

Далее Ламздорф поручил Остен-Сакену довести до сведения высших германских сфер нижеследующее: *«Мы отказываемся верить, чтобы Император Вильгельм, с твёрдым убеждением высказывавшийся перед нашим Августейшим Монархом за необходимость, в интересах всего человечества, сохранения мира, а также сближения, при посредстве России, между Германией и Францией, решил бы вызвать разрыв конференции, и таким образом не только от-*

казался бы от намеченной политической программы, но и вместе с тем, посеял среди европейских Держав тревогу, которая по многочисленным последствиям не менее пагубна, чем открытая война»^[29].

Это письмо ставило кайзера в весьма двусмысленное положение. Дело в том, что после окончания Русско-японской войны официально вступил в силу Бьёркский договор между Россией и Германией. При этом Царь и кайзер договорились делать всё, чтобы убедить Францию присоединиться к этому договору. В случае разрыва и военного конфликта Германии с Францией из-за Марокко Вильгельм II сам оттолкнул бы от себя Париж и сделал бы присоединение Франции к Бьёркскому договору невозможным, о чём тонко и намекал в письме Ламздорф.

С другой стороны, Государь понимал, что отказ Вильгельма II от соблюдения статей Бьёркского договора, а враждебные действия в отношении Франции являлись именно таким нарушением, даст возможность России поступить подобным же образом. Если бы кайзер продолжил свою агрессивную риторику в отношении Парижа, то она заставила бы Францию быстрее соглашаться на предоставление России займа.

9 февраля 1906 г. Николай II принял французского посла М. Бомпара, который привёз письмо нового президента республики Армана Фальера, извещавшее о вступлении его в президентскую должность^[30]. Во время встречи Николай II заверил Бомпара в своей неизменной поддержке Франции и

выразил недоумение поведением Германии, которое противоречило Бьёркским договорённостям^[31].

Между тем для России поддержка Франции на Альхесирасской конференции была весьма важна не только из-за вопроса предоставления ей интернационального займа. Дело в том, что неудача в Русско-японской войне крайне ослабила влияние России на международной арене, чем не преминула воспользоваться кайзеровская Германия. Английская «Вестминстерская газета» отмечала: *«Нельзя игнорировать того факта, что многие вещи, которые были неважны для Германии, пока Россия была сильна, стали важными, когда она ослабела»*^[32]. В Берлин из германского посольства в Лондоне поступали сообщения о том, что *«бритты жалуется, что вследствие краха России, Германия на Западе сделалась всемогущей»*^[33].

Осознание роли России как сдерживающего фактора стало приходить даже к англичанам. Та же «Вестминстерская газета» писала: *«Россия рассматривала себя как хранительницу равновесия в Европе. Последние события в Европе показали, что Германия имеет первенство в Европе и намерена использовать это преимущество для практических целей. Мы узнали, что ослабление России означает усиление Германии, и ничем нельзя этому помешать»*^[34].

Предположения английских и французских правящих кругов, что между Россией и Германией существует секретный союзный договор, приводили государства Антанты к

мысли о том, что Петербург перешёл в подчинение рейху и не способен вести самостоятельную политику. Ходили упорные слухи, что Россия будто бы отказалась поддерживать Францию в вопросе по Марокко и всецело приняла сторону Германии^[35]. Вильгельм II ставил себе целью доказать Франции на конференции в Альхесирасе, что её союзники Россия и Англия ничего не могут сделать в ее поддержку, а потому III Республике следует капитулировать в Марокко и заключить союз с Германией.

В связи с этим России было весьма важно продемонстрировать на конференции, что, несмотря на Русско-японскую войну и революционную смуту, она по-прежнему является великой державой, способной влиять на мировую политику. Для этого Николай II поручил В. Н. Ламздорфу отправить послу в Париже А. И. Нелидову циркулярную ноту, в которой послу предписывалось довести до представителя на конференции В. Р. Бахерахта, что русская делегация должна на этой конференции всецело поддерживать Францию. По негласному одобрению Царя, Нелидову было рекомендовано в качестве «личной инициативы» довести эту циркулярную ноту до сведения французской прессы, что посол и сделал: нота Ламздорфа была опубликована во французской газете *Le Temps*. Публикация вызвала ярость Берлина. Вильгельм II настолько утратил над собой контроль, что начал публично критиковать Императора Николая II в очень резких выражениях «за чёрную неблагодарность по отношению к Герма-

нии». В германской прессе началась антирусская кампания, а немецкие финансисты отказались участвовать в большом интернациональном русском займе, переговоры о котором велись в Париже^[36].

Однако подобная реакция германского императора в отношении России была предвзята и несправедлива. Петербургу сам по себе спор вокруг Марокко был безразличен, ибо напрямую его интересы не затрагивались ни в случае успеха Берлина, ни в случае успеха Парижа. Но что выигрывала Россия, поддерживая Германию на Альхесирасской конференции? Ровным счётом ничего, а теряла она при этом очень многое. Во-первых, вопрос о предоставлении интернационального займа отпадал сам собой, так как Франция была главным заимодателем и ей принадлежала львиная доля предоставляемых России финансовых средств. Во-вторых, русско-французский союз был обречён на глубокий кризис, а возможно и на распад. Вместо французского союзника Россия бы получила двух противников: Англию и Францию. В-третьих, Россия подтвердила бы сомнения мирового сообщества о своей самостоятельности и независимости, убедила бы в полной своей подчинённости Берлину. Таким образом, Россия осталась бы без союзников, один на один с Германией, а каким «надёжным» партнёром был кайзер Вильгельм, Государь знал хорошо.

При этом Россия не отталкивала Германию и не стремилась к её поражению на конференции. Николай II лишь про-

сил кайзера во имя дружбы с Россией пойти на определённые уступки Франции, чтобы помочь получить от неё столь необходимый заём. Но кайзер не хотел прислушиваться к просьбам Государя и делал всё, чтобы усложнить получение Петербургом финансовой помощи. В Берлине думали только о том, как использовать Россию против Франции, а Францию – против России. *«Чем сильнее желание русских получить заём до открытия Думы, – писал Бюлов кайзеру, – тем более мы имеем возможность через Россию и Витте давить на Рувье и французов»*^[37].

С. Ю. Витте во Всеподданнейшем докладе сообщал: *«Для Германии ныне представляется такой случай надавить на Францию, который редко представляется и, вероятно, долго не представится. Германия, конечно, может помять Францию», но даже если она не доведёт дело до войны, то будет всячески стремиться «с одной стороны, помешать России быстро получить заём, с другой – показать Франции малую ценность для неё союза с Россией»*^[38].

Поддержка Франции давала столь необходимые для русской экономики финансы, с новой силой укрепляла франко-русский союз, давала возможность налаживания диалога с Англией, значительно поддерживала пошатнувшийся международный престиж России и давала возможность остудить пыл Германии, уверившейся в своей безнаказанности.

Поэтому Николай II сделал всё от него зависящее, чтобы Альхесирасская конференция закончилась в пользу Фран-

ции, что и произошло в апреле 1906 г., когда Германия потерпела сокрушительное поражение. Против неё выступили все участники, кроме Австро-Венгрии. Даже Италия, союзник рейха по Тройственному союзу, не поддержала Берлин, и тот вынужден была признать «особые интересы» Франции в Марокко.

Уже 9 апреля 1906 г., в «день окончательного подписания акта Марокканской конференции», посол Франции в Петербурге М. Бомпар по поручению министра иностранных дел Леона Буржуа передал *«Его Императорскому Величеству чувства самой глубокой благодарности Президента Республики и французского правительства за ту мужественную официальную поддержку, какую получила Франция от России в Альхесирасе»*^[39].

Между тем борьба В. Н. Коковцова в Париже за получение международного займа была изначально тяжёлой. Министр финансов Раймонд Пуанкаре обещал России поддержку, но при этом сказал, что во французских правящих кругах большое влияние получили левые партии, которые резко выступают против предоставления денег России. Справедливость этих слов Коковцов почувствовал во время беседы с министром внутренних дел радикальным республиканцем Жоржем Клемансо, который к 1906 г. успел забыть свои восторги 1896 года по поводу визита Царя в Париж. Теперь Клемансо не без лукавства спрашивал Коковцова: *«Думаете ли Вы, господин статс-секретарь, что Ваше правитель-*

ство избрало подходящий момент для займа крупной суммы денег на французском рынке?»

После же того как Коковцов ответил, что не видит «*никаких неблагоприятных условий в состоянии парижского рынка для такой операции*», Клемансо намекнул, что вопрос займа зависит от либеральных реформ в России. «*Отчего бы вашему Государю, – спросил французский министр, – не пригласить господина Милюкова возглавить новое Правительство? Мне кажется, что это было бы очень хорошо и с точки зрения удовлетворения общественного мнения и разрешило бы многие вопросы*»^[40].

Коковцову пришлось напомнить Клемансо, что Основные законы Российской Империи ни в чем не изменились – ни в отношении прав Императора по избранию министров, ни в отношении ответственности министров, которые не подчиняются вотуму законодательных учреждений. На эти слова Клемансо ответил, провожая Коковцова в приёмную: «*Очень жаль, мне кажется, что это было бы очень хорошо*»^[41].

Переговоры о предоставлении России займа шли в условиях самой настоящей антицарской истерии, которую подняла социалистическая пресса Франции. Особенно неистовствовал социалистический ежедневник социалиста Жана Жореса L'Humanité. 9 апреля 1906 г. газета поместила передовицей статью Максима Горького «*Ни копейки русскому правительству!*» В своей статье Горький писал: «*Русское правительство сегодня не более чем политическая клика, ко-*

торая потеряла все моральные связи с русским народом и которая противостоит ему насмерть во всех устремлениях». Заканчивалась статья призывом: «Не давайте ни копейки в руки этих варваров, чья политика была всегда враждебна цивилизаторскому курсу Европы. Они ограбили Россию. Покупательная способность народа – мизерная. Её индустрия – малоразвитая. И народ будет вынужден в течение долгих лет бороться за свою свободу, если вы дадите деньги Романовым, чтобы воевать против русского народа. Не давайте, ни копейки Романовым, чтобы убивать!»^[42] Интересно, что эти памфлеты Горький сочинял в Берлине.

Но, несмотря на все старания врагов императорской России, 17 апреля 1906 г. был выпущен «Российский государственный 5 % заём 1906 г.» на общую сумму 2250 млн французских франков. Из них французским банкам предстояло разместить 1200 млн, русским – 500 млн, английским 330 млн, австро-венгерским – 165 млн и голландским – 55 млн. Заём был заключён сроком на 50 лет и должен был быть погашен до 1956 г. Это был крайне выгодный для России выход из положения. Император Николай II в телеграмме на имя В. Н. Коковцова писал: «Вы оказали огромную услугу России и Мне. Я никогда не забуду её и ясно вижу, какой огромный труд выполнили Вы в тяжёлых условиях переживаемой минуты»^[43].

Причины сближения с Великобританией

Военные неудачи и революции 1905–1907 гг. обозначили опасность вынуждения Петербурга примкнуть либо к германскому блоку, либо к Антанте. Между тем Николай II считал такое развитие событий крайне опасным для России. Политику Государя этого периода хорошо определил Н. В. Греков: *«Уклончивая тактика Петербурга нервировала и Лондон, и Берлин. Обе группировки стремились привлечь Россию на свою сторону, так как она по-прежнему обладала самой многочисленной армией в мире. Петербург же, опираясь на поддержку то Берлина, то Лондона, пытался упрочить свою внешнюю безопасность»*^[44].

Между тем перед лицом всё более растущей германской экспансии в Лондоне тоже искали взаимопонимания с Россией. В 1906 г. начальник русского Генерального штаба генерал Ф. Ф. Палицын писал, что Англия стремится сделать войну с Германией *«невероятною путём создания англо-французского и англо-русского соглашений и затем вести борьбу с германской державой только торгово-экономическую»*^[45].

Подобные планы Лондона отвечали интересам русской внешней политики по сдерживанию не считающегося ни с кем Берлина. С другой стороны, сохранение нормальных отношений с Германией должно было, по замыслу Государя,

сдерживать экспансионистские планы Лондона.

В этих условиях стало возможным англо-русское сближение. Стараниями советской историографии его, завершившееся соглашением 1907 г., принято воспринимать как присоединение России к Антанте, то есть создание военного союза Англии, России и Франции против Германии. Но *«царская дипломатия воспринимала это соглашение только как элемент “политики неприсоединения и лавирования между двумя блоками держав”»*^[46].

Русско-английская договорённость 1907 г. была вызвана стремлением обоих государств разграничить сферу влияния в Азии и договориться о взаимовыгодных уступках в других регионах. Причиной того, что и в России, и в Англии пришли к выводу о необходимости такого сближения, стало упорное стремление рейха проникнуть в геополитические регионы, представляющие исключительный интерес как для Англии, так и для России.

Тем временем Германия активно распространяла своё влияние в Османской империи. Именно этот фактор английский дипломат сэр Артур Никольсон считал весьма важным противоречием в русско-германских отношениях. *«Интересы России и Германии, – писал он министру иностранных дел Эдварду Грею, – нигде прямо не сталкиваются, за одним исключением, правда, очень большим: я имею в виду германскую политику по отношению к Оттоманской империи»*^[47].

Россия была заинтересована в усилении своего союза с

Францией и в договорённостях о разграничении сфер интересов с Англией, договор с которой позволил бы Петербургу не беспокоиться за свои восточные рубежи и приступить к активной политике в Европе. Соперничество с Англией становилось для России более обременительным, чем договорённость с нею.

В Лондоне понимали, что в случае прекращения действия франко-русского союза поражение Франции в войне с германским рейхом будет неминуемым. Тогда Германия будет доминировать в Европе, а Англия обречена на огромные уступки, граничащие с потерей ею статуса великой державы. Больше всего Англию пугал германский военный флот, который стремительно развивался, и она этому ничего не могла противопоставить. Было очевидно, что через десяток лет немцы вполне смогут соперничать с англичанами на море. Король и Грей считали Германию гораздо большей угрозой своему могуществу, *«чем Россию, с её призрачными угрозами Индии»*^[48].

Ещё больше, чем германская военная угроза, Лондон тревожила торгово-экономическая экспансия рейха^[49]. Официально английские правящие круги не хотели признавать этого факта. Но С. Д. Сазонов, тогда советник русского посольства в Лондоне, сообщал: в Англии уверены, что Германия вытесняет её из всемирных рынков^[50].

Дальнейший рост германского экономического могущества полностью подтвердил эти опасения. За период с 1887

по 1911 г. увеличение роста производства чугуна в Германии составило 387 %, производство стали – 1375 %. (Для сравнения: за тот же период Англия увеличила производства чугуна только на 30,6 %, стали – на 154,0 %)^[51].

Но Германия не только производила чугуна и стали больше, чем Англия, она ещё и вывозила их в большом количестве, причем вывозила в английские и французские колонии. Она быстро захватывала нужные ей экономические рынки в чужих колониях. В Австралийский союз, в Алжир, в Канаду, в Британскую Индию и в Азиатскую Турцию, Германия в целом вывозила во много раз больше, чем в принадлежащие ей Самоа, Новую Гвинею и Камерун^[52].

В Лондоне все больше приходили к мысли, что ослабление России в ходе Русско-японской войны, которому он столь содействовал, рикошетом ударило по нему самому, оставив один на один с Берлином.

По итогам Альхесирасской конференции Э. Грей сделал следующий вывод: *«Если необходимо держать Германию в узде, то это можно сделать только тогда, когда будет обеспечено соглашение между Россией, Францией и нами. Настоящий момент не благоприятен для обуздания Германии»*^[53].

Как Петербург, так и Лондон крайне беспокоило усиление германской экспансии в Османской империи и в Персии. В России были встревожены все растущими усилиями немцев за право строительства Багдадской железной дороги, что

в случае их реализации могло позволить турецкому командованию свободно перебрасывать свои войска к кавказской границе Российской Империи. В Лондоне опасались, что с турецкой территории Германия могла реально угрожать Индии и британским стратегическим позициям в Египте. Англичане были озабочены также тем, чтобы не допустить вытеснения своей торговли из Месопотамии^[54].

Целесообразность договариваться с Англией была обусловлена для России положением дел на Дальнем Востоке, в Тибете и Афганистане. Министр иностранных дел А. П. Извольский на совещании Правительства 7 сентября 1906 г., говоря о необходимости соглашения с Великобританией, утверждал: *«Нам предстоит сделать выбор между соглашением, способным надёжно обеспечить хотя бы часть наших интересов, и соперничеством в таких условиях, при которых мы лишены уверенности, что вопросы, близко нас касающиеся, не будут решаться помимо нас и в ущерб нашим интересам»*^[55].

18/31 августа 1907 г. в Петербурге А. П. Извольским и А. Никольсоном была подписана англо-российская конвенция относительно Персии, Афганистана и Тибета. Правительства России и Великобритании обязались взаимно уважать целостность и независимость Персии и отказались от вмешательства во внутреннюю политику персидского правительства. Сама страна была поделена на зоны влияния: северную – русскую и южную – английскую^[56]. Афганистан

оставался вне сферы влияния России, а в Тибете стороны признавали сюзеренные права Китая над ним и сохранение существующего порядка внешних сношений Тибета^[57]. Англо-русское соглашение прошло своего рода торжественную ратификацию 27–28 мая 1908 г. при обмене тостами во время встречи Императора Николая II и короля Эдуарда VII на рейде порта Ревеля.

Таким образом, ни о каком военном союзе между Россией и Англией в 1907 г. речи не шло. Обе державы, которые ещё совсем недавно были потенциальным противниками, не стремились бросаться в объятия друг к другу даже перед лицом растущего военного могущества Германии. Русско-английская договорённость 1907 г. была вызвана обоюдным их стремлением разграничить сферы влияния в Азии и договориться о взаимовыгодных уступках в других регионах. Англо-русское соглашение не было направлено против Германии, войны с которой не хотели ни в Петербурге, ни в Лондоне. Оно лишь было призвано удержать Берлин от безудержной экспансии.

Между тем сближение с Англией вызвало в консервативной части русского общества сильное беспокойство. Сам факт, что Россия сделала шаг навстречу своему исконному противнику, вызывал у русских консерваторов опасения и неприятие. Особенно сдержанно относились к сближению с Лондоном военные круги. 15 декабря 1906 г. начальник Морского Генерального штаба вице-адмирал Л. А. Брусилов

подал Николаю II записку, в которой утверждал, что Англия стремится уничтожить мощь России на суше, а Германии – на море. Заручившись поддержкой России и Франции, считал Брусилов, Англия зажмёт Германию в тиски, и та будет вынуждена напасть на Россию, как на менее подготовленного противника. Брусилов считал, что сама Англия не вступит в войну, а пожнёт её плоды^[58]. Как известно, эти предположения не оправдались.

Начальник Главного управления Генерального штаба генерал Ф. Ф. Палицын был противником англо-русского соглашения, пока России не будут обеспечены значительные преимущества^[59].

Не были довольны сближением с Англией и правые консервативные круги. Видный деятель Союза русского народа Н. Е. Марков утверждал: *«Лучше вместо большой дружбы с Англией иметь маленький союз с Германией»*^[60]. Профессор Казанского университета В. Ф. Залесский писал: *«При теперешних условиях война России и Германии гибельна для обоих государств. Сближение с нашим заклятым врагом Англией – тому порукой. Несмотря ни на какие союзные договоры, Англия в решительный момент, нас предаст и, дождавшись полного истощения сил Германии и России в предстоящей губительной войне, одна получит выгоды от этого самоистребления арийской расы»*^[61].

В русских правящих кругах не было единства в вопросе необходимости договариваться с Англией по Персии. Если

П. А. Столыпин, В. Н. Коковцов и А. П. Извольский полагали, что необходимо *«поставить вопрос на почву соглашения с Англией»*, то военное ведомство доказывало: *«Англия, утвердившись с нашей помощью на берегах Персидского залива, окончательно убьёт наше влияние в Персии и навсегда закроет движение к Персидскому заливу»*^[62].

Николай II поддержал Столыпина и Извольского. В создавшихся условиях Россия контролировать всю Персию не могла, да к этому Царь тогда и не стремился. Поддерживать персидское шахское правительство было бесполезно из-за его крайней слабости и полной неуверенности в его завтрашнем дне. Вовлечение ослабевшей России в персидские дела и противостояние там Англии могли дать серьёзные осложнения. Таким образом, договорённость с Лондоном о разделе сфер влияний в Персии была насущно необходима.

Целесообразность договариваться с Англией была обусловлена и положением на Дальнем Востоке. В конце лета – начале осени 1906 г. в японской печати появились сообщения, что в ближайшее время Япония может захватить Владивосток и Николаевск-на-Амуре и овладеть обширной полосой от Квантунского полуострова до Берингова пролива^[63]. 23 февраля 1907 г. Приамурский генерал-губернатор инженер-генерал П. Ф. Унтерберг с тревогой телеграфировал царю: *«Война – в ближайшем будущем. Я могу противопоставить предполагаемому японскому десанту, приблизительно двумстам батальонам, лишь около 20 батальонов,*

так как остальные войска нужны для гарнизона Владивостока и Усть-Амура и охраны Амурской и Усть-амурской коммуникационных армий»^[64].

Унтерберг настаивал на срочной присылке на Дальний Восток воинских подкреплений. В своём очередном сообщении Николаю II зимой 1907 г. он докладывал: «Несмотря на состоявшееся соглашение с Японией, как на почве политической, так и торговой, она продолжает усиленно вооружаться, усиливает свой флот, увеличивает свою сухопутную армию и подготавливает базы для военных операций, как в Южной Маньчжурии, так и в Северной Корее»^[65].

Государь отреагировал мгновенно, приказав на следующий день привести в полную боевую готовность полевые и крепостные войска Приамурского военного округа и снабдить их всем необходимым^[66]. Два соображения заставляли царя относиться к этим сообщениям очень серьёзно: отсутствие у России флота на Тихом океане и нехватка войск на Дальнем Востоке ввиду необходимости их использования для подавления революции.

Для предотвращения возможной новой японской агрессии Николай II искал взаимопонимания с САСШ, чьи интересы сталкивались в Тихом океане с японскими. Однако главной целью Государя было всё же не использование противоречий одного государства с другим, а выстраивание ровных и мирных отношений со всеми. Во время переговоров с американским президентом В. Тафтом в конце 1907 г. Из-

вольский, выполняя поручение Императора, заявил, что сохранение добрых отношений с Японией остаётся одной из главных международных задач России^[67].

Кроме этого, Николая II волновала взрывоопасная ситуация в Китае, которую всячески дестабилизировала японская разведка. Ею было инспирировано революционное движение «Тунмэнхой», ставившее своей задачей свержение правящей династии и провозглашение Китая федеральной республикой. Руководитель движения Сунь Ятсен проживал в Японии, откуда он давал указания своим сторонникам^[68]. Тесные связи японцев с англичанами давали русскому Правительству возможность по крайней мере предполагать, что Лондон был осведомлён о действиях Токио.

Таким образом, у России и Англии было достаточно оснований, чтобы добиваться нормализации отношений. Во всяком случае, появлялась возможность договариваться друг с другом по вопросу о разделе сфер влияний.

Сближение Петербурга и Лондона не могло не вызвать крайней обеспокоенности Берлина. Граф И. Л. Татищев предупреждал Государя из Берлина: *«Последний разговор с императором ещё более утвердил во мне убеждение, насколько император озабочен нашим сближением с Англией и насколько это сближение его пугает»*^[69].

Во время Ревельской встречи Николай II и Эдуард VII поспешили успокоить кайзера. 11/24 мая и 12/25 мая 1908 г. последовали русское и английское заявления о том, что во

время встречи двух монархов в Ревеле военного союза трёх держав (Англии, России и Франции) против Тройственного союза создано не будет. Э. Грей сделал заявление, что *«русским правительством не происходит никаких переговоров относительно нового договора или конвенции и не предполагается начинать подобные переговоры во время предстоящего свидания»*^[70].

При этом постоянный помощник министра иностранных дел Чарльз Гардинг заявил: нельзя забывать, что если Германия будет продолжать увеличивать теми же темпами свои морские вооружения, то через 7 или 8 лет в Европе наступит весьма тревожная ситуация. Главным арбитром тогда станет Россия. Вот почему английский дипломат добавил: *«В интересах сохранения равновесия и мира мы самым искренним образом желаем видеть русское государство как можно более сильным и на суше и на море»*^[71].

Это признание со стороны Англии было главным и самым важным результатом Ревельской встречи. Россия могла теперь уверенно заняться своим перевооружением и восстановлением утраченных международных позиций, не только не опасаясь английского нападения на южных и дальневосточных своих границах, но, наоборот, рассчитывая на содействие Великобритании. При этом о военном сотрудничестве и тем более о военном союзе между двумя державами в Ревеле речи не шло, хотя Англия и стремилась к заключению подобной конвенции с Россией. Военный агент в Лон-

доне генерал-лейтенант Н. С. Ермолов докладывал в Главный штаб: *«Уже ко времени Ревельского свидания у Великобритании было желание идти дальше англо-русского соглашения, заключенного в 1907 г., и быть может заключить с нами нечто вроде военно-морской конвенции на случай войны с Германией»*^[72]. Однако Государь не захотел связывать Россию договором, явно направленным против Германии, с которой он не хотел обострять отношения.

Стремление Государя сохранить добрососедские отношения с Германией

Вплоть до завершения Альхесирасской конференции в Берлине были уверены, что ослабленная Россия будет следовать германской линии. Вильгельм II и Бюлов настолько в этом не сомневались, что не побоялись потребовать от России полной поддержки в марокканском вопросе. Как уже говорилось, эта поддержка стоила бы России потери международного авторитета и столь нужной ей западной финансовой помощи. При этом Германия со своей стороны ничего не предлагала взамен. Единение, с которым выступили Россия, Франция и Англия на Альхесирасской конференции, отрезвляюще подействовало на германское руководство. Вместе с тем в германских верхах царило негодование действиями России. Граф И. Л. Татищев докладывал Николаю II 26 марта/8 апреля 1906 г.: *«Обнародование циркулярной депе-*

*шии уполномоченного Вашего Императорского Величества на Альхесираской конференции и особенно появление этой де-
неиши в газете “Гетра”, при том в несколько искажённом ви-
де, сразу изменило настроение императора [Вильгельма] до
неузнаваемости. Лично я императора с тех пор не видел, но
из разговоров с лицами к нему приближённых, могу заклю-
чить, что император очень рассержен»^[73].*

Негодование Вильгельма II вызывает удивление, так как после окончания Русско-японской войны кайзеру постоянно поступали предупреждения об изменении ориентиров рус-
ской политики. Морской атташе кайзера в Петербурге капи-
тан 1-го ранга Пауль фон Гинце, который пользовался рас-
положением императора Николая II, неоднократно доклады-
вал кайзеру и статс-секретарю военно-морского ведомства
гросс-адмиралу Альфреду фон Тирпицу, что цели российской
внешней политики перемещаются с Дальнего Востока
на европейский континент. Гинце отмечал стремление Рос-
сии во что бы то ни стало решить проблему Черноморских
проливов, а также желание Петербурга устранить противो-
речия с Англией^[74].

Имея подобную информацию, в Берлине, казалось, долж-
ны были бы учесть русские интересы и хотя бы в чём-то пой-
ти им навстречу, тем более что после Альхесира стало оче-
видным, что Россия в своей внешней политике не будет сле-
по следовать за Германией.

Вместо этого в сентябре 1906 г. немцы провели большие

манёвры возле русской границы. Государь в свою очередь 3 декабря 1906 г. утвердил план нового стратегического развёртывания русских армий на западной границе на случай войны против Германии и Австро-Венгрии^[75]. Военное командование явно считало главным потенциальным противником России германские империи, в то время как командование ВМФ – Англию.

Тем не менее говорить о резком ухудшении русско-германских отношений ни в 1906-м, ни в 1907 г. не приходилось. Николай II понимал, что Германия является главным потенциальным противником, а потому в первую очередь с ней нужно выстраивать дружественные отношения. 15 ноября 1906 г. Государь заявил германскому послу в Петербурге барону Вильгельму фон Шёну, что он стремится к новому сближению с Германией и Австро-Венгрией в виде возобновления Союза трёх императоров^[76]. Это предложение Николая II нашло живой отклик у австро-венгерского посла Алоиза фон Эренталя, который советовал германскому правительству незамедлительно организовать встречу с Царём на высшем уровне^[77].

Свою первую заграничную поездку в ранге министра иностранных дел А. П. Извольский совершил именно в Германию. Николай II передал кайзеру личное послание, в котором заверял Вильгельма II в своей *«искренней дружбе»*^[78]. Во время встречи Извольского с Бюловым рейхсканцлер сказал, что Берлин будет приветствовать англо-русское сближение

до тех пор, пока оно не затронет германских интересов^[79]. Кроме того, германское правительство дало понять Извольскому, что готово заключить соглашение с Россией по Багдадской железной дороге.

Отказ России идти в фарватере германской политики и угроза её блокирования с Антантой вынуждала Вильгельма II, отбросив всё своё раздражение, искать компромисса с Николаем II. Кайзер хотел обсудить с ним весь широкий круг вопросов русско-германских отношений, а заодно лично попытаться узнать, насколько верны слухи о возможном союзе России с Англией.

Николай II тоже считал встречу с кайзером полезной. Он стремился сгладить неприятный осадок, вызванный у немцев Альхесирасской конференцией, а заодно устранить тревогу кайзера о возможном сближении Петербурга с Лондоном. Кроме того, Николай II хотел, чтобы отказ России от Бьёркского договора, который был неизбежен, не вызывал бы в Берлине слишком болезненную реакцию. Поэтому Государь предложил кайзеру встретиться на рейде Свинемюнде. Вильгельм II немедленно ответил согласием^[80]. Императорская яхта «Штандарт» прибыла в Свинемюнде 22 июля 1907 г. в 11 ч. 20 м. утра. Вильгельм II прибыл туда раньше, 19 июля, на яхте Hohenzollern.

Во время встречи Государь предложил кайзеру проект секретного русско-германского протокола, в котором бы излагались основные принципы политики обеих держав в рай-

оне Балтики. Германской стороне предлагалось договориться о том, что их политика в бассейне Балтийского моря *«имеет целью сохранение существующего территориального status quo на основе полного устранения всякого иностранного влияния»*^[81], кроме прибрежных стран: России, Германии, Швеции и Дании. Кайзер согласился с этим проектом, и секретный протокол был подписан в Санкт-Петербурге 16 октября 1907 г. статс-секретарём МИД Германии В. фон Шёном и товарищем министра иностранных дел К. А. Губастовым.

Некоторые исследователи полагают, что подписание этого секретного договора не было необходимостью, и русская дипломатия предложила его исключительно, чтобы смягчить в глазах кайзера отказ России соблюдать Бьёркский договор, а также избежать *«сколько-нибудь явной внешнеполитической ориентации, угроза которой уже начинала ощущаться»*^[82]. Трудно не согласиться с этой точкой зрения: действительно, эти соображения занимали не последнее место при подписании русско-германского договора по Балтике. Тем более если учесть, что оно состоялось в скором времени после подписания англо-японской антанты и в преддверии англо-русского сближения. Тем не менее неоправданно утверждать, что секретный протокол был порождён только этими соображениями. Соглашение с Германией, факт которого был сразу сообщён Россией английскому и французскому правительствам, было уравновешено аналогичным соглашением Гер-

мании с Англией, Францией, Данией и Швецией по соблюдению status quo в Северном море 10/23 апреля 1908 г. В тот же день Англия, Франция и Швеция подписали декларацию об отмене трактата 1856 г., запрещающего России укреплять Аландские острова^[83]. Таким образом, было покончено *«ещё с одним наследием Крымской войны»*^[84].

В преддверии свидания в Свинемюнде кайзер и Бюлов пытались возобновить обсуждение Бьёркского договора, который они считали сохраняющим силу^[85]. Предвидя, что немцы могут коснуться этого вопроса, Николай II поручил послу в Берлине графу Н. Д. Остен-Сакену подтолкнуть кайзера к мысли о желательности приглашения на встречу в Свинемюнде рейхсканцлера Бюлова, так как его присутствие делало обязательным присутствие и Извольского. Именно им двоим, по мысли Государя, и предстояло обсуждать все сложности Бьёркского договора.

На встрече с Бюловым Извольский поинтересовался отношением кайзера к позиции России по Бьёркскому договору. Бюлов поспешил ответить, что император Вильгельм «проникнут самыми сердечными чувствами» к Императору Николаю II и *«отнюдь не намерен обострять этот щекотливый вопрос»*, так как *«он отлично понимает, что привлечение Франции к этому акту – дело весьма трудное и требующее много времени и терпения. Это своего рода политический идеал, к которому и мы, и вы должны стремиться. Что касается до сделанной Россией оговорки, то, не оспари-*

вая её по существу, мы не предвидим её практического применения, так как вполне убеждены, что связующие Россию и Францию договорные отношения не имеют никакого агрессивного характера»^[86].

Таким образом, фактическая денонсация Россией Бьёркского договора не вызвала у германской стороны возражения. Общий дружеский настрой со стороны Николая II и Извольского, их готовность идти на сотрудничество с Германией по целому ряду важных вопросов, заставляли германское руководство не настаивать на соблюдении фактически потерявшего силу бесперспективного Бьёркского договора. Но была ещё одна причина, по которой германская верхушка спокойно отнеслась к прекращению действия Бьёркского соглашения. Дело в том, что император Вильгельм II уже утвердился в мысли о неизбежности войны с Россией. При таком раскладе Бьёркский договор только мешал ему в этом намерении.

В ходе переговоров Николай II и его министр иностранных дел смогли добиться согласия кайзера и Бюлова на отказ от строительства немцами Багдадской железной дороги. Извольский заверил Бюлова, что Россия не собирается заключать военного союза с Англией^[87].

Помимо Бьёркё, Персии и Балтийского соглашения, русская и германская делегации обсуждали проблемы Марокко, намерение князя Фердинанда провозгласить независимость Болгарии, предстоящую Гаагскую конференцию и другое.

Утром 24 июля 1907 г. на «Штандарте» состоялся прощальный завтрак. Кайзер Вильгельм, как и Император Николай II, был в русской морской форме. В 11 ч. 30 м. оба императора переехали со «Штандарта» на Hohenzollern, где прошло официальное прощание двух монархов. Как писало «Русское слово», они простились *«сердечно, несколько раз пожимали друг другу руки и несколько раз облобызались»*^[88].

По мнению Николая II, важным фактором, сдерживающим возможность большой войны, должны были стать мирные конференции. Однако Русско-японская война и внутренняя смута поставили под сомнение возможность проведения Второй конференции мира. Тем не менее, когда Россия осенью 1905 г. предложила вновь собраться на мирную конференцию, все державы выразили своё принципиальное согласие. Президент США Теодор Рузвельт в сентябре 1905 г. заявил, что *«можно рассчитывать на полное сочувствие и поддержку в созвании международной конференции мира»*. Президент подчеркнул, что находит *«вполне естественным, чтобы Августейший Монарх как инициатор Первой конференции взял на себя почин в этом»*^[89]. Королева Нидерландов также согласилась, чтобы конференция вновь прошла в Гааге.

Вторая Гаагская мирная конференция заседала 2/15 июня – 5/18 октября, в ней приняли участие 232 делегата из 44 государств: все участники Первой конференции мира и 17 государств Южной и Центральной Америки.

Российскую делегацию возглавлял опытный дипломат А. И. Нелидов. В её состав кроме трёх уполномоченных входили технические делегаты, командированные военным и морским ведомствами. Заседания конференции должны были основываться на принятой государствами-участниками программе 1906 г.

В результате за четыре месяца работы конференции было принято 13 конвенций: 1) о мирном решении международных столкновений; 2) об ограничении случаев обращения к силе для взыскания по договорным долговым обязательствам; 3) об открытии военных действий; 4) о законах и обычаях сухопутной войны; 5) о правах и обязанностях нейтральных держав и лиц в сухопутной войне; 6) о положении неприятельских торговых судов при открытии военных действий; 7) об обращении торговых судов в военные; 8) об установке автоматических контактных подводных мин; 9) о бомбардировке морскими силами во время войны; 10) о применении к морской войне начал Женевской конвенции 1864 г.; 11) о некоторых ограничениях в пользовании правом захвата в морской войне; 12) об учреждении международного призового суда (не вступила в силу); 13) о правах и обязанностях нейтральных держав в морской войне^[90].

Большое внимание было уделено разработке права морской войны. Было принято решение о запрете бомбардировки незащищенных портов и городов.

В рамках вопроса об оккупированных территориях и по-

ложении в них мирных жителей было принято решение, что мирное население не обязано давать сведения во вред своей армии и своей стране, и тем более участвовать прямо или косвенно в военных действиях противника, строго охранялся принцип неприкосновенности частной собственности.

На конференции рассматривались важнейшие вопросы международного права. Участники конференции договорились созвать Третью мирную конференцию в 1915 г. 19 мая 1912 г. министр иностранных дел С. Д. Сазонов писал Императору Николаю II: *«В заключительном акте созванной по почину Вашего Императорского Величества Второй Конференции мира 1907 г., было высказано пожелание, чтобы следующая Третья конференция собралась в срок, примерно равный промежутку между первой и второй конференциями. <...> Таким образом, время Третьей конференции мира падает примерно на лето 1915 г., а время заседаний подготовительного комитета на будущий 1913 г. Осмеливаюсь полагать, что почин созыва конференции может исходить от Вашего Императорского Величества, как Августейшего инициатора Первой и Второй конференций»*^[91]. На этой записке рукой Государя было написано: «Одобряю». В этот момент ни Николай II, ни Сазонов не могли знать, что лето 1915 г., на которое была намечена Третья конференция мира, станет пиком самой кровавой доселе войны.

Император Николай II, следуя своей христианской совести, сделал всё, чтобы мир превратился в мир без войн. Царь

в одностороннем порядке стал воплощать эти идеи в русской армии. В 1907 г. Императором был утвержден «Наказ Русской армии о законах и обычаях сухопутной войны», который являлся приложением к Уставу полевой службы. В «Наказе» говорилось: *«1. Войска должны уважать жизни и честь обывателей неприятельской стороны, а также религию и обряды веры. Всякий грабеж строго воспрещается под страхом тяжчайших наказаний (вплоть до смертной казни). Раненые и больные военные чины подбираются с поля боя без различия принадлежности к какой-либо армии. С пленными надлежит обращаться человеколюбиво и предоставить им полную свободу в отправлении религиозных обрядов. Содержать их так же, как содержатся чины русской армии. 2. Во время военных действий воспрещается применять яд или отравленное оружие, ранить или убивать неприятеля, который сложил оружие и сдался, атаковать или бомбардировать города, селения, жилища или строения, не занятые противником, захватывать и уничтожать неприятельскую собственность (если это не является военной необходимостью)»*^[92].

Таким образом, в крайне тяжёлых условиях, наступивших вместе с окончанием Русско-японской войны, Николаю II удалось вывести Россию из глубокого внешнеполитического и внутрироссийского кризиса. Кардинальные реформы государственной жизни не привели к распаду Империи, революция была подавлена, финансовый дефолт пре-

одолён. При этом Россия сохранила свои позиции как великая держава и, что самое главное, не была вовлечена ни в один из антагонистских блоков, сохранив нейтральную независимую позицию. Соглашение с Англией разрядило обстановку на южно-азиатских границах России, сняло для неё напряжение в Персии, Тибете и Китае. Отношения с Германией, несмотря на все их сложности этого периода, также не перешли в конфронтацию. Более того, после Свинемюнде намечилось улучшение отношений с Берлином, которые внешне приобретали характер *«традиционной дружбы и добрососедства»*^[93].

Как никогда спокойны были отношения России с её старым соперником на Балканах Австро-Венгрией. Новый австро-венгерский министр иностранных дел граф Эренталь заверял Россию в своих симпатиях, готовности к сотрудничеству и компромиссу. В таких новых условиях Россия по договорённости с Англией, Германией и Австро-Венгрией могла попытаться разрядить ситуацию на Балканах, а вместе с ней постараться решить давнюю проблему, связанную с Черноморскими проливами. Вот почему возникший в 1908 г. острейший Боснийский кризис, вызванный политикой Вены и Берлина и едва не приведший к большой войне, стал неожиданным для Государя.

Глава 2. Обновление Империи

Император Николай II как реформатор

В исторической науке, да и в общественном сознании, преобразования и реформы, осуществленные в монархических государствах, принято связывать с личностью царствующего в то время монарха. Никому в голову не приходит называть преобразования Петра Великого, Екатерины II или Александра II реформами Меншикова, Потёмкина или Милютина. Существуют исторические понятия: «Петровские преобразования», «Екатерининский век», «Великие реформы Александра II». Знаменитый Code Napoléon (Кодекс Наполеона) никто не вздумает называть «Кодексом Франсуа Тронше» или «Кодексом Жана Порталиса», хотя именно эти люди являлись непосредственными исполнителями воли Первого консула по составлению законодательного акта. Это так же верно, как и то, что Петербург основал Петр Великий, а Версаль построил Людовик XIV.

Но как только речь заходит об эпохе последнего Государя, почему-то оперируют терминами: «реформа Витте» или «Столыпинская реформа». Между тем сами Витте и Столыпин неизменно называли эти преобразования реформами Императора Николая II. С. Ю. Витте говорил о денежной

реформе 1897 г.: *«Россия металлическим золотым обращением обязана исключительно Императору Николаю II»*^[94]. П. А. Столыпин 6 марта 1907 г., выступая в Государственной думе, сказал: *«Правительство задалось одною целью – сохранить те заветы, те устои, те начала, которые были положены в основу реформ Императора Николая II»*^[95]. Витте и Столыпин хорошо знали, что вся их реформаторская деятельность была бы невозможной без одобрения и руководства ею Самодержцем.

Серьёзные современные исследователи приходят к однозначному выводу об Императоре Николае II как выдающемся реформаторе. Кандидат ист. наук С. В. Куликов задаётся вопросом: *«В какой степени реформаторский проект Николая II воплощался в его реальной политике? Конечно же, историческое значение любого государственного деятеля определяется не его декларациями о намерениях, а тем, как они реализуются. Поэтому необходимо раскрыть личное участие Николая II в осуществлении наиболее важных социальных и политических реформ его царствования»*^[96].

Историк Д. Б. Струков отмечает: *«По своей природе Николай II был весьма расположен к поискам новых решений и импровизации. Его государственная мысль не стояла на месте, он не был догматиком»*^[97].

Детальное и непредвзятое изучение хода реформ в России в начале XX в. неопровержимо доказывает, что Император Николай II являлся их главным инициатором и убежденным

сторонником. Он не отказывался от преобразований даже в условиях революции 1905–1907 гг. При этом Николай II прекрасно разбирался в вопросах той стороны жизни страны, которую он собирался реформировать. В 1909 г. заместитель министра внутренних дел С. Е. Крыжановский докладывал Николаю II свои соображения относительно проекта децентрализации Империи. Позже он вспоминал: *«Меня поразила лёгкость, с которой Государь, не имевший специальной подготовки, разбирался в сложных вопросах избирательной процедуры как у нас, так и в западных странах, и любознательность, которую он при этом проявлял»*^[98].

Более того, несомненно, что реформы никогда не рождались в голове у Государя спонтанно, многие из них он вынашивал ещё до вступления на престол. При Николае II было осуществлено в общей сложности преобразований больше, чем при Петре Великом и при Александре II. Достаточно только перечислить главные из них, чтобы убедиться в этом: 1) введение винной монополии; 2) денежная реформа; 3) реформа образования; 4) отмена крестьянской «круговой поруки»; 5) судебная реформа; 6) реформа государственного управления (учреждение Государственной думы, Совета министров и т. д.); 7) закон о веротерпимости; 8) введение гражданских свобод; 9) аграрная реформа 1906 г.; 10) военная реформа; 11) реформа здравоохранения. При этом следует учесть, что эти реформы прошли практически безболезненно для большей части населения Российской Импе-

рии именно потому, что Государь ставил во главу угла не само преобразование, а народ, во имя которого оно проводилось.

Пример Императора Николая II убедительно доказывает, что можно проводить самые масштабные, самые грандиозные реформы и преобразования без гибели и обнищания миллионов людей, как это будет при большевистских «преобразованиях». Но именно при Императоре Николае II были запрограммированы, начаты или осуществлены все «великие стройки коммунизма», которые большевики ставили себе в заслугу: электрификация всей страны, БАМ, освоение Дальнего Востока, строительство крупнейших железных дорог, строительство крупнейших на тот период ГЭС, основание незамерзающего порта за полярным кругом и так далее.

Наиболее ярко реформаторская деятельность Императора Николая II проявилась при проведении знаменитой Аграрной реформы 1906 г.

Аграрная реформа 1906 года

Крестьянскую реформу начала XX в. принято называть «Столыпинской». Однако это название весьма тенденциозно и ложно приписывает авторство реформы одному П. А. Столыпину. Кандидат ист. наук С. В. Куликов верно отмечает: *«Анализ личного участия Царя в осуществлении аграрной реформы позволяет утверждать, что при ее подготовке и*

проведении Николай II воплощал собственные планы. <...> Царь фактически явился инициатором аграрной реформы, приступив к ее постепенной реализации сразу же после воцарения, задолго до усиления оппозиционного и революционного движения и независимо от них. Так называемая “стольпинская аграрная реформа” 1906–1911 гг., предпосылки которой были заложены намного ранее, являлась лишь одним из этапов аграрной реформы Николая II, продолжавшего и в 1906–1911 гг. давать руководящие указания по этому предмету. Император имел все основания считать аграрную реформу собственным детищем, и неудивительно, что он, как отмечал генерал Н. А. Епанчин, был “недоволен”, когда ее называли “стольпинской”, поскольку “это преобразование исходило от него”»^[99].

И. Л. Солоневич считал, что Аграрную реформу «правильнее было бы называть Николаевской реформой», которую Государь проводил «как всегда медленно и как всегда с огромной степенью настойчивости, – ничего не ломая сразу, но все переделывая постепенно»^[100].

Нельзя также не согласиться с Д. Б. Струковым, что аграрным преобразованиям 1906–1911 гг. предшествовал своего рода инкубационный период: практически по всем направлениям предстоящих широкомасштабных реформ Николаем II и его Правительством были сделаны первые шаги, благодаря чему и стал возможен «стольпинский прорыв»^[101]. Д. Струков верно отмечает: «Без строительства Транссиба,

определившего движение колонизационных потоков за Урал и заложившего там первичную хозяйственную и социальную инфраструктуру, Столыпин не смог бы реализовать свой грандиозный переселенческий проект. Таким же мероприятием Царя, расчищавшим почву для столыпинского переселения, стал закон об отмене ссылки на поселение в Сибирь. Тем самым Государь не хотел засорять сибирские просторы преступным элементом, стремясь привлечь в восточные края с целью их развития лучшие силы России»^[102].

Еще будучи Наследником, Николай II хорошо понимал необходимость осуществления аграрной реформы. В 1893 г. министр финансов С. Ю. Витте заметил, что Цесаревич «относится в высокой степени милостиво к крестьянским интересам и считает их первенствующими». Вступив на престол, Николай II не раз публично свидетельствовал о приоритетности для него аграрной реформы и в итоге стал ее инициатором^[103]. При этом в ходе ее осуществления следовало соблюдать неприкосновенность частной собственности. Государь помнил наставления Н. Х. Бунге, полагавшего, что «для урегулирования крестьянского землевладения не надо никакого коренного преобразования, необходимо лишь облегчить условия для образования частной собственности»^[104]. Аграрную реформу, нацеленную на введение в деревне частной собственности, Бунге советовал проводить, избегая резких скачков. Осуществляя ее постепенно, Государь не только воплощал идеи, привитые ему наставником, но и учитывал

опасность дестабилизации обстановки в деревне вследствие возбуждения у крестьян неоправданных надежд на даровое увеличение наделов за счет помещичьей земли.

В отчёте Государственного контролера Т. И. Филиппова за 1896 г. прямо указывалось на то, что *«платежные силы сельского населения находятся в чрезвычайном напряжении»*. На полях напротив этих слов Государь оставил помету: *«Мне тоже кажется»*^[105]. Весной 1898 г. Комитет министров, рассматривая отчет Филиппова, поддержал предложение министра финансов об образовании особой комиссии по крестьянскому вопросу. Николай II повелел оставить этот журнал Комитета *«без движения»*, однако уже в декабре 1898 г. он утвердил доклад Витте, в котором упоминалось *«о необходимости урегулировать положение крестьян»*, и сделал на полях отметку *«о полном согласии со взглядами, высказанными относительно крестьянского дела»*. С образованием же особой комиссии Государь считал нужным *«повременить»*: студенческие волнения начала 1899 г. отвлекли его от аграрной реформы, хотя он по-прежнему продолжал усиленно размышлять о способах ее проведения. В сентябре 1901 г. в Компьене Николай II говорил французскому президенту Э. Лубе *«о необходимости земельной реформы»*, заверяя его, что *«давно думает об этом»*^[106]. Таким образом, заключает С. В. Куликов, Николай II уже в 1901 г. намечал реформу, проведенную через 5 лет якобы под влиянием революции. Хотя, безусловно, революционная смута, в кото-

рую оказалось вовлечено испытывавшее сильное социальное напряжение крестьянство, сыграла свою роль в ускорении начала реформы. 11 августа 1904 г. в своем Манифесте по случаю рождения Наследника Цесаревича Государь сложил с крестьян все недоимки в сумме 130 млн рублей^[107].

Начиная аграрную реформу, Император Николай II преследовал следующие задачи: 1) решить вопрос с недостатком крестьянских земельных наделов; 2) создать крепкие крестьянские частные хозяйства; 3) решить проблему недоедания в деревне; 4) лишить революционеров поддержки в крестьянской среде; 5) обеспечить продовольственное снабжение армии на случай большой европейской войны. Все эти задачи были тесно связаны друг с другом и вытекали одна из другой.

Император Николай II придавал крестьянской реформе первостепенное значение. 31 октября 1905 г. он писал: *«Правильное и постепенное устройство крестьян на земле обеспечит России действительное спокойствие внутри на много десятков лет»*^[108].

Однако, как верно отмечает Д. Б. Струков, *«Царь разумно опасался, что несвоевременный радикализм в государственных преобразованиях может расшатать духовные основы русского общества, оторвать людей от родной почвы и тем самым только ускорить наступление революции. Кроме того, само государство с его громоздким и неповоротливым административным аппаратом было не в состоянии про-*

водить активную реформаторскую линию, бюрократия часто извращала и социально деформировала самые благие правительственные начинания»^[109].

Главную цель, которую преследовал Николай II, проводя реформу, он выразил уже в самый ее разгар в рескрипте, данном Столыпину 19 февраля 1911 г. по поводу юбилея освобождения крепостных крестьян: *«Я поставил себе целью за-вершение предуказанной еще в 1861 г. задачи – создать в лице русского крестьянина не только свободного, но и хозяй-ственно сильного собственника»^[110].*

Важнейшую роль в успехе реформы, по убеждению Го-сударя, играло переселенческое движение крестьян из цен-тральных районов в Сибирь. В 1896 г. по инициативе Нико-лая II было создано Переселенческое управление. На губер-наторском отчете за 1894 г. он написал по поводу органи-зации переселения крестьян: *«Невозможно оставлять та-кое государственное дело в заведовании какого-то маленько-го отделения Земского отдела!!»^[111]* 6 июня 1904 г. Государь утвердил Временные правила о добровольном переселении крестьян и мещан в Сибирь и на Дальний Восток, распро-страненные затем и на другие категории переселенцев. Пре-рванное ненадолго Русско-японской войной переселение бы-ло продолжено с ещё большими темпами. Николай II ука-зывал, что *«с окончанием войны, нужно двинуть переселен-ческое дело»*. 10 марта 1906 г. Николай II повелел устано-вить новый порядок переселения, создав *«особо льготные*

условия для переселенцев». 26 апреля 1906 г. все узаконения по переселенческой части были приведены в соответствие с Временными правилами 6 июня 1904 г.

Что же предстояло реформировать Государю? В 1905 г. землевладение в 50 губерниях Европейской России представляло следующую картину: из 395 млн 155 десятин принадлежало государству («казне») и «учреждениям» (уделам, Церкви, монастырям). 139 млн десятин было наделных земель, из которых 124,5 млн принадлежало крестьянам и 14,5 млн – казакам. Частновладельческие земли составляли 101 млн десятин. Необходимо иметь в виду, что из казённых земель только незначительная часть была пригодна для земельной обработки, так как все земли сельскохозяйственного пользования были отданы в «надел» государственным крестьянам^[112]. С момента освобождения крестьян из крепостной зависимости в 1861 г., почти половина дворянских земель перешла в руки крестьян (26 млн десятин) и купцов (16 млн десятин). Дворянское землевладение неуклонно сокращалось, и к 1905 г. в руках дворян оставалась лишь 53 млн десятин. Таким образом, вопреки советской «историографии», аграрная реформа 1906 г. не ставила и не могла ставить своей целью перераспределение земель в пользу помещиков. Нехватка земли у крестьян была не из-за того, что она принадлежала помещикам, а потому, что она принадлежала крестьянской общине, не позволявшей крестьянам расширять свои земельные владения за счёт покупки земли.

Однако крестьяне ошибочно полагали, что помещичьи земли огромны, и стремились к их переделу. Революционеры всячески их к этому подстрекали. Позднее, уже после февральского и большевистского переворотов, представители революционных властей признавались, что лозунг дележа помещичьей земли был лишь *«средством революционизирования деревни»* и не имели *«серьёзного экономического значения»*^[113].

Император Николай II, отвергая принцип принудительного отчуждения частновладельческих земель, в то же время признавал необходимость серьёзных мер для расширения площади крестьянского благосостояния. Правительство видело главную причину крестьянской бедноты в чрезвычайно примитивном и нерациональном строе крестьянского хозяйства, с его чересполосицей^[114], принудительным трёхпольем^[115] и низкой урожайностью крестьянских полей. П. А. Столыпин считал, что главным тормозом развития сельского хозяйства является общинное землевладение. Ещё будучи саратовским губернатором, он во Всеподданнейшем отчёте за 1904 г. писал: *«Ваше Императорское Величество. Видимо, существует непреодолимое препятствие к обогащению, к улучшению быта крестьянского населения, что-то парализует личную инициативу, самостоятельность мужика и обрекает его на жалкое прозябание.*

Доискиваясь причины этого зла, нельзя не остановиться на всепоглощающем влиянии на весь уклад сельской кре-

стьянской жизни общинного владения землею, общинного строя. Строй этот вкоренился в понятия народа. Нельзя сказать, чтобы он его любил: он просто другого порядка не понимает и не считает возможным. Вместе с тем у русского крестьянина страсть всех уравнивать, все привести к одному уровню, а так как массу нельзя поднять до уровня самого способного, самого деятельного и умного, то лучшие элементы деревни должны быть принижены к пониманию, к стремлениям худшего, инертного большинства. <...>

Жажда земли, аграрные беспорядки сами по себе указывают на те меры, которые могут вывести крестьянское население из настоящего ненормального положения. Естественным противовесом общинному началу является единоличная собственность. Она служит залогом порядка, так как мелкий собственник представляет из себя ту ячейку, на которой покоится устойчивый порядок в государстве»^[116].

П. А. Столыпин предлагал предоставить крестьянам возможность выхода из общины и перехода к личной земельной собственности. Следует сказать, что необходимость ликвидации общин и вовлечение наделных земель в свободный режимный оборот высказывались задолго до Столыпина. В частности, это предлагал сделать в 1903–1904 гг. С. Ю. Витте. Но Николай II относился весьма осторожно к резким действиям в вопросах сельского хозяйства.

Сегодня имеется немало историков и публицистов, которые считают, что Аграрная реформа Николая II разрушала

общину, которая якобы была исконной системой крестьянского самоуправления на Руси. Однако это в корне неверно. Община, в том виде, в каком она была к моменту начала реформы, была наследием крепостного права. Ее начало восходит к Указу Императрицы Екатерины II от 19 мая 1769 г. Согласно этому Указу ответственность за подушные подати ложилась не на каждую «душу», а на старост. Отсюда и переделы земли. В Древней Руси ничего подобного не было. Там форма общины весьма напоминала кооперацию, где работник являлся хозяином средств производства. Как раз целью Аграрной реформы был расцвет кооперации на селе, неотделимый от бурного роста всей экономики. С этой задачей реформа успешно справилась: по количеству кооперативов Россия была на первом месте.

Кроме того, неправильно представлять дело таким образом, будто бы Аграрная реформа стала исключительно инициативой «сверху», чуть ли не навязанной крестьянству. Доктор ист. наук Б. Н. Миронов отмечает, что *«около трети крестьян сделали шаг в сторону личной собственности на землю, ещё до столыпинской реформы. <...> К началу столыпинской реформы, около 3,7 млн дворов из 9,5 млн, или 39 % всех крестьян – членов передельных общин, разочаровались или не доверяли общине»*^[117].

Правительство вовсе не считало во что бы то ни стало, сразу и повсеместно уничтожить общину. Сам Столыпин, при всём негативном отношении к общине, также не стре-

мился к её революционному демонтажу. Выступая в Государственной думе 10 мая 1907 г., он говорил: *«Пусть собственность будет общая там, где община ещё не отжила, пусть она будет подворная там, где община уже не жизненна, но пусть она будет крепкая, пусть будет наследственная. Такому собственнику-хозяину Правительство обязано помочь советом, помочь кредитом, то есть деньгами»*^[118]. Поэтому главной целью реформы было не повсеместное и необдуманное уничтожение общины, а освобождение крестьян от её тисков и укрепление земельной частной собственности, создание крепких крестьянских хозяйств. Общинные порядки не были насильственно сломаны Аграрной реформой: как до реформы, так и после нее проходил естественный процесс разложения общины и социальных отношений общинного типа^[119].

Большую роль при проведении реформы сыграл выкуп земель Крестьянским банком. Инициатива такого решения вопроса также принадлежала Государю Николаю II. 24 ноября 1895 г. он утвердил новый Устав Крестьянского банка, предоставивший ему право покупки помещичьей земли за свой счет и перепродажи ее крестьянам. Законом 2 июня 1900 г. было разрешено продавать крестьянам земли должников Дворянского банка. На губернаторских отчетах за 1902 г. Николай II указывал на то, что *«необходимо поставить деятельность Крестьянского банка в ближайшую и теснейшую связь с землеустроительной политикой»*, и

требовал *«ускорить пересмотр Положения о Крестьянском банке совместно Министерствами внутренних дел и финансов»*^[120]. Решение этой задачи подразумевалось и в Манифесте 26 февраля 1903 г., однако после начала Русско-японской войны оно было отложено. 3 ноября 1905 г. Государь наделил Крестьянский банк правом неограниченного выпуска своих свидетельств, что позволяло увеличивать его капитал, и установил более льготные правила для выдачи ссуд, возросших до 100 %. 12, 27 августа и 19 сентября 1906 г. были изданы указы о передаче Крестьянскому банку казённых и удельных земель сельскохозяйственного пользования для продажи на льготных условиях крестьянам, нуждающимся в земле. По воспоминаниям А. А. Вырубовой: *«Государь от души радовался, когда слышал, как крестьяне богатеют и носят свои сбережения в Крестьянский банк»*^[121].

5 октября 1906 г. Император Николай II издал очень важный, но мало оцененный обществом Указ *«Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц иных бывших податных состояний»*^[122]. Им объявлялось: *«Предоставить всем российским подданным безразлично от их происхождения, за исключением инородцев, одинаковые в отношении государственной службы права, применительно к таковым правам лиц дворянского сословия»*^[123]. Так завершилось освобождение крестьян, провозглашённое Царём-Освободителем 19 февраля 1861 г. Отныне они могли по желанию менять место жительства, свободно избирать

род занятий, поступать на государственную службу, не спрашивая на то разрешения «мира».

Дальнейшее развитие положения Указа от 5 октября получили в другом именном Высочайшем Указе Сенату 9 ноября 1906 г. *«О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающегося крестьянского землевладения и землепользования»*^[124], который фактически и провозгласил начало Аграрной реформы. Первым пунктом в Указе объявлялось: *«Каждый домохозяин, владеющий наделенной землёю на общинном праве, может во всякое время требовать укрепления за собою в личную собственность причитающейся ему части из означенной земли»*^[125].

Таким образом, Указ позволял крестьянину выходить из общины с принадлежащим ему на момент выхода Указа земельным наделом. После долгого обсуждения закон был принят Государственной думой и Государственным Советом. 14 июня 1910 г. закон о крестьянском землевладении был утвержден Государем.

Реформа отвечала назревшей потребности и встретила широкий отклик в массе крестьян. За 5 лет (1907–1911 гг.) свыше 2 ½ миллиона крестьян-домохозяев подали прошения о выходе из общины; особый успех имела реформа в Новороссии (в губерниях Таврической, Екатеринославской и Херсонской) и в Нижнем Поволжье (в губерниях Самарской и Саратовской). Аграрные преобразования предусматривали организацию массового переселения крестьян из евро-

пейской части России в Сибирь, на Дальний Восток, в Южную Сибирь (сегодня Казахстан). С этой целью в 1906 г. было реорганизовано Переселенческое управление. В Сибири и на Дальнем Востоке выделялись специальные переселенческие районы, в каждом из которых создавались переселенческие организации, имевшие землеотводные, гидротехнические и дорожные партии, склады сельскохозяйственной техники, агрономические отделы, свои школы и больницы.

Начиная с 1907 г. переселение крестьян в Сибирь осуществлялось организованно. В инструкции Переселенческого управления указывалось, что вновь приезжающие должны селиться на специально отведенных для них свободных участках земли, а не в селах старожилов. В обжитых районах между «новоселами» и «старожилами» в первый период проведения реформы, до тех пор пока не был отлажен механизм «водворения», возникали конфликты по поводу земли, лугов и пастбищ. Старожилы, осевшие на хороших местах, не хотели их терять. Среди них к началу реформы было немало весьма крепких хозяев. Они нуждались в рабочих руках, и новоселы часто становились у них батраками.

Возникали непредвиденные сложности. Оказалось, что численность переселявшихся и темпы переселения превышали темпы подготовки участков к заселению. Недостаточно было чиновников для этой работы, их квалификация не всегда отвечала требованиям. Это приводило к нарушениям порядка заселения: в ряде мест не успевали готовить участки,

проводить к ним дороги. Переселенческие пункты еще строились, а переселенцы уже прибывали. Правительство предоставляло крестьянам, решившим ехать осваивать земли в Сибирь, хорошие кредиты с большим сроком погашения, но ссуды часто выдавались не в полном объеме, а частями. Переселенцы встретились с непривычными для них климатическими и погодными условиями. В общем, процесс реформирования был сложным, да он и не мог быть иным при решении такой сложнейшей задачи в такой огромной стране.

Тем не менее переселение крестьян Европейской России в Сибирь было массовым и дало свои положительные результаты. По данным Переселенческого управления земледелия и землепользования, за 1885–1905 гг. за Урал переселилось 1 млн 520 750 чел., тогда как в 1906–1913 гг. число переселенцев – 3 млн 233 803 человек^[126]. Из этого числа возвратилось на места прежнего проживания всего 529 тыс. 835 человек, то есть 10,8 %^[127]. Переселившиеся вместе с коренными жителями Сибири образовали тот человеческий потенциал, который вдохнул новую жизнь в этот огромный, сказочно богатый край.

Председатель Совета министров искал и находил новых, талантливых людей, способных проводить в жизнь намеченную Государем реформу. Так, благодаря Столыпину на должность Якутского губернатора был назначен ученый-самородок И. И. Крафт, прекрасно знавшего край, быт, особенности и потребности якут. Назначая Крафта на но-

вую должность, Государь сказал ему: *«По предшествовавшей службе Вам знаком быт инородцев, и я ожидаю от Вас энергичной и плодотворной работы для улучшения жизни в далекой, но близкой Моему сердцу окраине. Передайте населению мой привет и знайте, что Я буду внимательно следить за Вашей деятельностью. Пусть об этих Моих словах Пётр Аркадьевич сообщит остальным министрам»*^[128]. Уже первый годовой Всеподданнейший доклад Крафта о состоянии Якутской области удостоился особого внимания Государя. Через три года результаты работы И. И. Крафта говорили сами за себя: в Якутии появились телефон, телеграф, кинематограф, электричество. В Якутске начали строить каменные здания: двухэтажное здание музея-библиотеки, здание окружного суда, казначейства. Во время губернаторства Крафта было проведено статистико-географическое обследование области, исследовано более 2200 хозяйств во всех улусах, все населённые пункты были нанесены на карту. Крафт в 1907 г. организовал геологическую экспедицию в Сунтарский район (Кемпендяй). 19 июня 1907 г. начала выходить общественно-политическая и литературная газета *«Якутский край»/«Саха дойдута»*: на русском и якутском языках. В 1911 г. Крафт организовал Тимптонскую экспедицию для изыскания скотогонного пути на золотые прииски. На третьем годовом докладе Якутского губернатора Государь написал: *«Благодарю Крафта за службу. Он оправдал те ожидания, которые Я на него возлагал»*^[129].

Такое же внимание уделял Николай II ходу реформы и в других губерниях. В январе 1909 г. в Санкт-Петербурге открылся съезд неперенных членов губернских присутствий для обсуждения вопросов, касающихся крестьянского землеустройства. 28 января все его участники были представлены Государю в Царскосельском Александровском дворце. Член пензенского губернского присутствия, впоследствии заведующий переселенческим делом в Акмолинской области, А. В. Цеклинский вспоминал: *«Государь подходил к каждому из нас. Сенатор А. И. Лыкошин докладывал цифровые данные по каждой губернии. Мы их дополняли и разъясняли. Его Величество выказал исключительную осведомленность в состоянии работы по губерниям и к некоторым из неперенных членов обращался со специальными вопросами, подтверждающими эту осведомленность. Например, неперенного члена Владимирского губернского присутствия Император спросил: “Ну, скажите, меня очень интересует, как Вы вышли из положения с крестьянами селений по берегам Переяславского озера, не имеющих полевой земли и которые в наделе получили “право ловли рыбы в озере”. <...> Неперенному члену нижегородского губернского присутствия Н. М. Ленивцеву, стоявшему близко от меня, Государь сказал: “Ну, а у Вас, по всей вероятности, успешнее подвигается землеустройство в нагорной правой части губернии, а уезд Семеновский и другие луговые и лесные труднее разверстывать и выселять?” – Ленивцев эти правиль-*

ные предположения Монарха подтвердил тут же цифрами. Со мной рядом стоял неперемный член полтавского губернского присутствия. Его Государь спросил, улыбаясь: “А у вас, наших пионеров-аграрников, что происходит? Идете, кажется, чуть ли не первыми?” Государь намекал на те аграрные беспорядки, которые имели место в 1900 году в Полтавской и Харьковской губерниях. Во время обеда Столыпин, между прочим, указал, что на всяком его приеме Государь всегда интересовался работами на местах. Дело землеустройства Его Величеству было очень близко, он прекрасно знал природу и условия крестьянского землевладения по губерниям, знал и интересовался земельными ресурсами государства»^[130].

По распоряжению Государя в сентябре 1910 г. П. А. Столыпин инспектировал Сибирь. Глава Совета министров был поражен успехами преобразований, которые выражались стремительным ростом как переселенцев, так и новых населенных пунктов, крестьянских хозяйств. Только в Ключевской волости Алтайского округа в 1909 г. было основано 15 населенных пунктов^[131]. Всего на Алтае в 1907–1914 гг. было основано 3415 сел и деревень, в которых проживало 600 тыс. крестьян, переехавших из Центральной России^[132]. В результате резко увеличилась площадь посевных земель. По четырем сибирским губерниям в 1910–1914 гг. посевы увеличились на 43 %^[133]. Темпы роста посевных в Сибири были выше, чем в таких крупнейших странах – экспорте-

рах хлеба, как США, Аргентина и Канада. Примечательно, что подобный рост посевов продолжался даже во время Первой мировой войны. Рост посевных привел к подъему сельского хозяйства в Сибири. Так, в 1909–1913 гг. одна только Томская губерния вывозила пшеницы больше, чем Воронежская, Тамбовская, Тульская, Рязанская и Орловская вместе взятые^[134]. Благодаря реформе большое развитие получила сибирская кооперация. Особенно успешно развивались маслоартели. Они имели собственные, специально построенные помещения, дорогое оборудование, квалифицированных специалистов. Заводы, поставлявшие масло в столицы, в том числе к Императорскому столу и за рубеж, весьма требовательно относились к качеству масла. Показатель качества масла – сухость (85,59 % жира) делал его привлекательным на зарубежных рынках. За 1901–1917 гг. Сибирь заняла одно из первых мест среди стран – экспортеров сливочного масла^[135].

В связи с ростом новых поселков резко возросло строительство дорог. Только в Тобольском «колонизируемом» районе было проложено 19 новых дорог для обслуживания 50 переселенческих участков. Если в Томской губернии в 1906 г. было построено дорог протяженностью 133 версты, то в 1907 г. уже было построено 335 верст, а в 1910 г. намечено построить ещё 203 версты дорог^[136].

По возвращении П. А. Столыпина из поездки Николай II писал ему 22 сентября из гессенского Фридберга^[137]: «*Петр*

Аркадьевич. С удовольствием узнал о благополучном возвращении Вашем из интересной поездки по Сибири. Буду ожидать письменного доклада Вашего по поводу виденного Вами и с предложениями относительно дальнейших мер по переселению. Прочное землеустройство крестьян внутри России и такое же устройство переселенцев в Сибирь – вот два краеугольных вопроса, над которыми правительство должно неустанно работать. Не следует, разумеется, забывать и о других нуждах – о школах, путях сообщения и пр., но те два должны проводиться в первую голову»^[138].

26 сентября Столыпин спешил поделиться с Государем своими впечатлениями о поездке: «Общее мое впечатление более чем утешительное. После страшной встряски Россия, несомненно, переживает сильный экономический подъём, которому способствует и урожай двух последних лет. Сибирь растет сказочно: в безводных степях, которые два года тому назад признавались негодными для заселения, в несколько последних месяцев выросли не только поселки, но почти города. И прорывающийся из России в Сибирь смешанный поток богатых и бедных, сильных и слабых, зарегистрированных и самовольных переселенцев – в общем, чудный и сильный колонизационный элемент. Прибавлю элемент крепко монархический, с правильным, чисто русским мирозерцанием. “Мы верим в Бога, верим в Государя: дайте нам церковь, дайте нам школу”, – вот общий крик переселенцев. В каждом селе нас встречали многолетием Вашему Величе-

ству, везде просили передать Царю-Батюшке о любви народной. <...> И как Вы правы, Ваше Величество, как Вы правильно пишете, что краеугольные для правительства вопросы – это землеустройство и переселение. Нужно приложить к этим вопросам громадные усилия и не дать им зачихнуть»^[139]. Столыпин пришёл к выводу, что и Сибири следует встать на путь создания и укрепления частной собственности на землю, покончить с титулом государственной собственности для всех земель, отводимых в наделы старожилам и переселенцам, «устранить общинно-земельные порядки в Сибири».

К 1 января 1916 г. из общины вышло 2 млн домохозяев. Им принадлежало 14,1 млн дес. земли. 469 тыс. домохозяев, живших в общинах, получили удостоверительные акты на 2,8 млн десятин, 1,3 млн домохозяев перешли к хуторскому и отрубному владению (12,7 млн дес.). Кроме того, на банковских землях образовалось 280 тыс. хуторских и отрубных хозяйств. Французский экономист Эдмон Тэри писал в 1914 г.: «Аграрная реформа, начатая в 1906 году, охватывала к концу 1912 года огромную площадь в 20 млн десятин, или 22 млн гектаров, и на этих 20 млн десятин насчитывается ныне более 1 млн отдельных, не зависящих друг от друга хозяйств»^[140]. Аграрные беспорядки, вызванные безземельем, пошли на убыль.

Государь не забывал и о духовной стороне Аграрной реформы. В конце 1909 г. Николай II поручил известному мис-

сионеру протоиерею Иоанну Восторгову совершить поездку по восьми переселенческим епархиям (включая Владивостокскую) для определения порядка открытия новых приходов и школ, строительства церквей и школьных зданий в переселенческих районах. По возвращении отца Иоанна в ноябре он был принят Государем, который поддержал его замысел учредить Братство Воскресения Христова для удовлетворения религиозных нужд русского населения на окраинах. Помимо этого, при епархиях были созданы комитеты по удовлетворению духовных потребностей переселенцев под председательством местного архиерея, губернатора, управляющего государственными имуществами, заведующего переселенческим районом и губернского архитектора^[141]. Для развития школьного дела в местах переселений при губернаторах и областных начальниках были созданы школьные комиссии, в задачу которых входило инспектирование переселенческих поселков на выявление среди них наиболее нуждающихся в открытии училищ, подборание мест для них и привлечение учительского персонала.

Результаты реформы характеризовались быстрым ростом аграрного производства, возрастанием экспорта сельскохозяйственной продукции. В результате удалось не только вывести сельское хозяйство из кризиса, но и превратить его в основу экономического развития России. Профессор Д. И. Пестржецкий писал: *«До революции в 46 губерниях было 84 тыс. хлебозапасных общественно-крестьянских мага-*

зинов. На 1 января 1917 года запасы ячменя, ржи и пшеницы в магазинах было 190 456 411 пудов – и это только в хлебозапасных магазинах, не говоря уже о других закромах!»^[142] Валовой доход всего сельского хозяйства составил в 1913 г. 52,6 % от общего валового дохода, который, благодаря увеличению стоимости, созданной в сельском хозяйстве, с 1900 по 1913 г. вырос на 33,8 %. К 1915 г. 60 % надельной земли (то есть бывшей общинной) стали личной собственностью крестьян.

Революция в сельском хозяйстве, вызванная реформой, имела непосредственное значение и для обороноспособности государства. Она сыграла важную роль в том, что во время мировой войны Императорская Россия – единственная из всех воюющих государств, за исключением США, вступивших в войну после Февральской революции, которая не испытывала голода и не вводила продовольственных карточек. Это было прямым следствием Аграрной реформы 1906 г. Французский экономический обозреватель Эдмон Тэри в работе «Россия в 1914 году» писал: «Возрастание государственной мощи создается тремя факторами экономического порядка: 1) приростом коренного населения, 2) увеличением промышленной и сельскохозяйственной продукции, 3) средствами, которыми государство может влиять на народное образование и национальную оборону»^[143].

Можно с уверенностью сказать, что Аграрная реформа 1906 г. сильно способствовала развитию всех перечислен-

ных выше пунктов. Особенно большое значение она имела в вопросе демографии. В период с 1902 по 1912 г. население Российской Империи возросло на 22,7 %, и этот прирост был более значительным, чем за предыдущие десять лет (1892–1902 гг.), когда он составлял 15,4 %^[144]. Тот же Э. Тэри, говоря об Аграрной реформе 1906 г., утверждал: *«импульс ныне дан такой силы, что не остается никаких сомнений в полном успехе реформы»*^[145].

Реформа здравоохранения

Проблема здравоохранения и большой смертности в Российской Империи стала предметом особой заботы Императора Николая II сразу же после его вступления на престол. Положение здравоохранения в России в начале XX в. находилось далеко от удовлетворительного, хотя в конце XIX в. на этом направлении уже были достигнуты ощутимые успехи. Принцип всеобщности и общедоступности явился, пожалуй, настоящим прорывом русской медицины. Постепенно, по мере укрепления финансовых возможностей земств идеи общедоступности медпомощи стали принимать осязаемые очертания: сначала в уездных земствах, а затем и в губернских начали постепенно понижать оплату за услуги, а затем и вовсе отменять ее для различных категорий больных. С 1880–1890-х гг. земства перестали брать плату с амбулаторных больных (сначала на фельдшерских пунктах, а

затем и на врачебных приемах). Бесплатными один за другим становились такие виды помощи, как: амбулаторная с выдачей лекарств и лечебных пособий, лечение в больницах, хирургическая и специальная помощь, родовспоможение. Как результат, плата за помощь к 1910 г. сохранялась только в уездных городских больницах и лишь для пациентов из других уездов. Таким образом, «великое завоевание Октября», бесплатное медицинское обслуживание, было в целом достигнуто в Императорской России уже в конце XIX столетия. Однако по-прежнему высокой оставалась смертность от острых инфекционных заболеваний: чумы, чёрной оспы, холеры, тифа. Конец XIX – начало XX в. в России были отмечены острым эпидемиологическим кризисом. Это не значит, что положение в России в это время было хуже, чем, скажем, в середине или в начале XIX столетия. Речь идет о кризисе отставания от большинства развитых стран того времени^[146]. По российской статистике, в период с 1905 по 1909 г. от инфекционных заболеваний на 100 тыс. жителей России умерло 527 чел., тогда как за этот же период на то же число жителей в Германии умерло 92,1 чел., в Великобритании (Англии и Шотландии) – 196,7, в Италии – 98, в Швеции – 56,2, в Румынии – 111, 2, в Австро-Венгрии – 353, в Бельгии – 112,1^[147]. С. А. Новосельский почему-то не указал в своей таблице Францию. Несмотря на явно неблагоприятную картину со смертностью в России от острых инфекционных заболеваний, она, тем не менее, не

представляется такой уж критической по сравнению с другими государствами Западной Европы. Не следует забывать величину территории России, даже если речь идет только о Европейской ее части, и численность ее населения, несопоставимого с населением европейских государств. Однако высокая смертность и неблагоприятное положение с эпидемиологической обстановкой были опасным явлением для модернизации страны в целом. Россия энергично развивалась, и её обществу все труднее было мириться с сохранением устаревших санитарно-эпидемиологических условий, структуры заболеваемости и смертности, показателей смертности и продолжительности жизни, которые не соответствовали ни его собственным быстро менявшимся критериям, ни новым критериям, утверждавшимся тогда во многих западных странах.

Коренное улучшение состояния здравоохранения в России было выдвинуто Государем на первый план. Николай II неуклонно добивался улучшения медицинского обслуживания населения страны. Здоровье нации стало при нем одним из приоритетов социальной политики, последовательно проводимой Государем. В годы его царствования русская медицина получила международное признание, в Российской Империи сложились выдающиеся научные школы, во многом опередившие развитие медицины и здравоохранения в XX столетии.

Врачебно-санитарное дело в Империи в главной своей ча-

сти было сосредоточено в ведении Министерства внутренних дел. 11 января 1897 г. Николаем II была утверждена Особая комиссия о мерах предупреждения и борьбы с чумой под председательством принца А. П. Ольденбургского^[148]. Для осуществления практической деятельности противочумной комиссии были необходимы вакцины и сыворотки. Поэтому в Императорском институте экспериментальной медицины в 1901 г. была открыта особая лаборатория. Государь разрешил принцу Ольденбургскому использовать под экспериментальные цели помещения кронштадтского форта «Император Александр I». В октябре 1897 г. А. П. Ольденбургский выезжал в Туркестан для принятия экстренных мер по недопущению чумы в пределы Империи, за что получил *«глубочайшую Его Императорского Величества благодарность за понесенные труды»*, избавившие Европейскую Россию и остальные страны Европы от проникновения чумы в их пределы.

При Николае II получила мировое признание русская научная медицина, которая не могла бы развиваться без государственной поддержки. В эпоху Императора Николая II впервые были удостоены Нобелевской премии русские ученые: физиолог И. П. Павлов (1904 г.) и микробиолог И. И. Мечников (1908 г.). Русские ученые впервые в мире описали клиническую картину тромбоза венечных артерий сердца, применили противодифтерийную сыворотку, разработали нозологическое направление в психиатрии.

Кроме того, русские ученые провели новаторские исследования структуры мозга, стояли у истоков таких областей медицины, как судебная психиатрия, гинекология и гигиена, были основоположниками электрофизиологии и электрокардиографии. В начале XX в. в России выходило свыше 150 общих и специализированных научных медицинских журналов.

Однако Русско-японская война и особенно революционная смута 1905–1907 гг. замедлили темпы реформы здравоохранения. 11 августа 1908 г. Император Николай II писал на полях доклада министра внутренних дел: *«Обращаю самое серьёзное внимание министра внутренних дел на безотрадное состояние в России санитарного дела. Необходимо во что бы то ни стало добиться не только улучшения его, но и правильной постановки. Нужно быть в состоянии предупредить эпидемии, а не только бороться с ними. Требую, чтобы безотлагательно было разработано и внесено на законодательное рассмотрение дело упорядочения в России санитарно-врачебной организации»*^[149].

В 1910 г. было созвано Особое совещание из чинов министерства внутренних дел под председательством сенатора Крыжановского, а в 1912 г. образована утвержденная Государем Междуведомственная комиссия для пересмотра врачебно-санитарного законодательства. В обязанности комиссии входило: 1) пересмотр врачебно-санитарного законодательства и 2) выработка предложений об устройстве лечеб-

но-санитарных учреждений.

17 марта 1912 г. на особом Журнале Совета министров по вопросу об учреждении Междуведомственной комиссии для пересмотра врачебно-санитарного законодательства Император Николай II написал: «*Согласен. Дело это вести ускоренным ходом*»^[150]. Такая комиссия была создана во главе с председателем Медицинского совета МВД, почётным лейб-хирургом академиком Г. Е. Рейном. Весной 1912 г. комиссия представила свой проект преобразования центрального и местных органов управления врачебно-санитарным делом в Империи. На представленном по этому поводу академиком Рейном Всеподданнейшем отчете о трудах упомянутой комиссии Государь отметил: «*Внести в Совет Министров. Продолжать вести дело ускоренным ходом*»^[151].

Николай II поддержал внедрение в Российской Империи территориальной системы врачебных участков, которой не было нигде в мире. Эту систему потом заимствовали большевики и, как у них было принято, выдали за свое изобретение. В ходе реформы здравоохранения в Российской Империи сложилась трехзвенная структура медицинской помощи населению: врачебный участок, уездная больница, губернская больница. Лечение в этих медицинских учреждениях было бесплатным. Число врачебных участков за пятилетие 1906–1910 гг. увеличилось с 3268 до 3804. В Журнале Совета министров за 1914 г. говорилось о проделанной огромной работе по оздоровлению России, о новых требова-

ниях в этом вопросе, «заключающихся в новых законопроектах, выработанных как комиссией, так и Министерством Внутренних Дел, об охране чистоты воздуха, воды и почвы, уставе жилищном, законопроекте об обеспечении доброкачественности пищевых и вкусовых продуктов и напитков, проекте устава о кладбищах и крематориях, о погребении и регистрации умерших, уставе фармацевтическом, законах о предохранительном оспопрививании и о санитарной охране лечебных местностей, законопроекте о борьбе с заразными болезнями – чумой, холерой, тифами, малярией, бугорчаткой, сифилисом и проказой, уставе судебной и административной медицины, проекте положения о больничной помощи и призрении, положении о призрении душевнобольных»^[152].

Особенно успешно продвигались борьба и профилактика острых инфекционных заболеваний. Если в период с 1891 по 1895 г. в России от острых инфекционных заболеваний в среднем умерло 587 тыс. чел., то за период 1896–1900 гг. это число составило 499 тыс. чел., в период с 1901 по 1905 г. число умерших от вышеназванных заболеваний составило 465 тыс. чел., в период с 1906 по 1910 г. – 420 тыс. чел., в период с 1911 по 1914 г. – 372 тыс. чел., следовательно, смертность от этих болезней сократилась в 2,5 раза^[153].

Быстрыми темпами развивалось открытие новых больниц и медицинских учреждений. В 1912 г. в России было 8110 больниц (к ним надо прибавить 170 психиатрических лечебниц, считавшихся отдельно), 2686 врачебных участков,

2620 фельдшерских пунктов. В 1914 г. в Империи насчитывалось 22 тыс. 772 врача, 28 тыс. 500 фельдшеров, 14 тыс. 194 акушерки, 4 тыс. 113 зубных врачей, 3 тыс. 125 дантистов. Сеть аптек в 1913 г. была представлена 5 тыс. 011 аптеками, 13 тыс. 357 фармацевтами. В 1913 г. в 17 медицинских вузах училось 8 тыс. 600 студентов^[154]. В 1901 г. в России медицинскую помощь получили 49 млн чел., через три года, в 1904-м, – 57 млн, еще через три года, в 1907-м, – 69 млн, в 1910-м – 86 млн и в 1913-м – 98 млн. То есть если в 1901 г. только каждый 3-й житель Империи имел возможность обратиться в лечебные учреждения, то в 1913 г. обратившихся за помощью было уже две трети всего населения. В 1912 г. Правительство истратило на народное здравоохранение 181 425 000 рублей.

Всё это вместе взятое привело к значительному понижению общей смертности. Если в 1906–1911 гг. число смертей на тысячу жителей достигало 29,4, то в 1911 г. оно выразилось в 26, а в 1912 г. – 25.

Высокая смертность в России, особенно детская, давно является предметом спекуляций со стороны как раньше советских, так сегодня и западных исследователей вопроса. Эта тенденция продолжает встречаться и в сегодняшней науке. Детская смертность в России, конечно, была высокой, но ее сравнение с западными странами недостаточно корректно. Так, известный демограф А. Г. Вишневский пишет: *«Если верить дореволюционной статистике, в конце XIX ве-*

ка основное отличие России от других стран заключалось в чрезвычайно высокой смертности детей, особенно на первом году жизни. В 1896–1900 гг. коэффициент младенческой смертности в Европейской России составлял 261 на 1000, тогда как во Франции на первом году жизни из 1000 родившихся умирал только 161 ребенок, в Англии – 156, в Швеции – 100, в США (1901–1905) – 124»^[155].

Однако русская статистика по вопросу общей смертности давала цифры, мало отличающиеся от западноевропейских. 22 марта 1901 г. на соединённом собрании Общества русских врачей, Общества детских врачей в Петербурге и Статистического отделения Высочайше утверждённого Русского Общества охранения народного здоровья выступили известные врачи: основоположник петербургской педиатрической школы Д. А. Соколов и специалист в области санитарной и демографической статистики В. И. Гребенщиков с докладом: «Смертность в России и борьба с нею». Этот доклад был издан отдельной брошюрой. В ней приводилась следующая статистика по вопросу общей смертности за период с 1861 по 1880 г.: Европейская Россия – 35,6 (умерших за 19 лет), Австро-Венгрия – 69,8, Италия – 30,0 (за 18 лет), Германия – 26,9 (за 9 лет), Франция – 23,6, Норвегия – 16,9 (за 10 лет), Бельгия – 22,8, Великобритания – 61,3^[156]. Как видим, данные по смертности в России не так уж сильно отличаются от западноевропейских. Так же невелико было отставание России по продолжительности жизни: Европейская

Россия – 68,38 лет (в 1896–1897), Англия (почему-то без Шотландии и Ирландии) – 71,21 (1891–1900), Германия – 71,60 (1891–1900), Франция – 74, 32 (1898–1903)^[157].

Говоря о смертности в России, следует учитывать обширность её территории, большую численность ее населения и преобладающий аграрный характер его деятельности. Сравнивать ситуацию с уровнем смертности и рождаемости в России, например с Великобританией, очень сложно. Естественно, что здравоохранение 41,5 млн англичан (на 1900 г.), из которых большинство было горожанами^[158], проживавших на территории площадью 240 579 км², осуществлять было несравненно легче, чем здравоохранение 94,244 млн россиян даже только Европейской России площадью 3 960 000 км², живущих в основном в деревнях. Кроме того, совершенно не учитывается уровень рождаемости и смертности в Индии, коронной территории Британской империи, не говоря уже о других доминионах и колониях. В той же самой Индии только от эпидемий чумы в 1865–1917 гг. умерло 23 млн человек.

Ещё одной спекуляцией в отношении детской смертности в Императорской России последнего царствования является сравнение ее с ситуацией с детской смертностью в СССР в пользу последнего. Во-первых, следует отметить, что детская смертность при Николае II неуклонно снижалась, хотя может быть и не такими быстрыми темпами, как хотелось. Если в Европейской России в 1895 г. из 100 родившихся в

возрасте от 0 до 1 года умерло 27,9 детей, то в 1911 г. – 23,7. Если в среднем по 50 губерниям Европейской России в 1886–1897 гг. на 1000 родившихся умирало 274 ребёнка, то в 1908–1913 гг. – 253^[159]. Что касается СССР, то в нем детская смертность, несмотря на все усилия и постепенную урбанизацию населения, продолжала оставаться высокой и мало отличалась от детской смертности в Российской Империи. Так, если в Императорской России в 1913 г. на 1000 родившихся детей до 1 года умерло 273, то в 1926 г. (спустя 13 лет) эта цифра составила 174, в 1927 – 192, в 1928 – 158, в 1929 – 184, в 1933 – 191, в 1936 – 183, в 1940-м – 184^[160]. Так что никакого «прорыва» в деле борьбы с детской смертностью с крушением Императорской России в государстве «рабочих и крестьян» не произошло. Конечно, причины заключались и в общем упадке здравоохранения в ходе Гражданской войны, большевистской разрухи 20-х гг., преступной коллективизации, организованном голоде в Поволжье, чудовищном голоде 1931 г. Не надо также забывать о легализации абортов в 1960-х гг., когда советские женщины убивали в своей утробе от 150 до 250 детей на каждую тысячу рожденных, то есть то число, что умирало до революции из-за антисанитарии сельской местности^[161]. Но все-таки высокие показатели младенческой и детской смертности в СССР в 20–40-х гг. определялись главным образом иной причиной. Доказательством этому служит резкое и качественное снижение цифры умерших детей в Советском Союзе, начи-

ная с 1948 г., когда на 1000 родившихся детей до 1 года умерло всего 84, в 1950 г. – 81, в 1952 – 75^[162]. Объяснение этому простое: *«Именно в годы войны в СССР началась эпоха антибиотиков – был создан первый отечественный пенициллин из плесневого грибка рода *Penicillium*. Работы по созданию советского пенициллина начались еще в первый год войны во Всесоюзном институте экспериментальной медицины»*^[163]. Появление антибиотиков коренным образом изменило ситуацию с детской смертностью, причем во всем мире. Российский демограф кандидат соц. наук Е. А. Кваша пишет: *«Новое принципиальное снижение младенческой смертности в России произошло к концу Второй мировой войны в результате действия ряда факторов. В основном – это внедрение в медицинскую практику антибиотиков и сульфаниламидов, что привело к сокращению младенческой смертности от болезней органов дыхания, большинства инфекционных болезней, а также снижение рождаемости в совокупности с реализацией мер, направленных на восстановление и улучшение системы обслуживания матери и ребенка. В 1946 г. уровень младенческой смертности в России достиг 92 на 1000, что на 74 % ниже, чем был в 1940 г.»*^[164]

Не вызывает сомнений, что если бы при Императоре Николае II существовали антибиотики, то и картина с детской смертностью выглядела бы совсем иной.

Большую роль уделял Император Николай II борьбе с пьянством. Тема пьянства, якобы процветавшего в России

испокон веков, давно уже набила оскомину. На самом деле это не более чем очередной лживый миф, одинаково популярный как у русофобов, так и у алкоголиков. В действительности Россия была одной из самых малопьющих стран мира. С. А. Новосельский утверждал в своем исследовании: *«По душевому употреблению алкоголя Россия, как известно, занимает одно из последних мест среди других государств, причём это душевое потребление весьма неравномерно, и, например, в городах в 3–4 раза выше, чем среди сельского населения. <...> Сколько-нибудь массовое пьянство в деревне связано преимущественно с какими-то чрезвычайными событиями, как свадьба, крестины, праздники и т. п. и потребление алкоголя в русской деревне носит характер спорадических алкогольных процессов, вне сомнения, гораздо менее вредных, чем ежедневное регулярное потребление алкоголя, носящее характер хронического отравления, как оно распространено в Западной Европе»*^[165].

Об этом же писал и другой исследователь проблемы пьянства в России, С. А. Первушин: *«1) Потребление спиртных напитков больших городов в 4–4,5 раза больше крестьянского потребления. 2) Потребление спиртных напитков в рабочих кварталах города в 3–4 раза выше душевого потребления в кварталах состоятельных классов»*^[166].

Однако Государь, да и русское общество, считали ситуацию с пьянством в России удручающей. С. С. Ольденбург писал, что в 1913 г. *«Государь при своей поездке по вели-*

корусским губерниям видел светлые проявления даровитого творчества и трудовой мощи; но рядом с этим с глубокой скорбью приходилось видеть печальные картины народной немощи, семейной нищеты и заброшенных хозяйств — неизбежных последствий нетрезвой жизни»^[167]. В год 300-летия Династии Император Николай II заявил, что он «*пришёл к твёрдому убеждению, что нельзя ставить в зависимость благосостояние казны от разорения множества моих верноподданных*»^[168]. Но, перед тем как Николай II повелел установить ограничения на продажу спирта, в России велась огромная просветительская работа.

В 1905 г. в пригороде Петербурга, на станции Сергиева Пустынь Балтийской железной дороги, близ монастыря преподобного Сергия, иеромонахом этого монастыря Павлом (Горшковым) была организована 1-я Российская Сергиевская школа трезвости. Главной заботой школы являлось преподавание трезвости с целью охранения подрастающего поколения от порока пьянства. Специальные «Уроки трезвости» давала старшая учительница школы с использованием наглядных пособий. Заведующий школой иеромонах Павел вел уроки трезвости на темы по Закону Божию^[169]. Учитывая положительный опыт работы этой школы и многих других, в 1910 г. Святейший Синод своим указом ввел преподавание науки трезвости во всех церковно-приходских школах. В Санкт-Петербурге издавались журналы: «Трезвая жизнь», «Трезвые всходы», «Отдых христианина», «Деятель», «Ца-

рицынский трезвенник», «Трезвые всходы», газета «Трезвость». Троице-Сергиева лавра выпускала Троицкие листки: «В чём корень пьянства», «Всем пьющим и непьющим». Велась кропотливая работа по всей стране, которая дала весьма ощутимые результаты: к 1915 г. потребление алкоголя упало до 0,2 литра, число «новых» алкоголиков сократилось в 70 раз, преступность – втрое, нищенство – вчетверо^[170].

С 1914 г. в школах министерства народного просвещения предписывалось преподавать учащимся старших классов курс гигиены с обязательным сообщением сведений о вреде алкоголя по одному часу еженедельно в течение года. Определением Святейшего Синода от 13–31 марта 1914 г. было постановлено: *«Установить на будущее время повсеместно в России ежегодный 29 августа, в день Усекновения главы Иоанна Крестителя, церковный праздник трезвости, с производством в этот день сбора пожертвований на дело борьбы с пьянством, с соблюдением того порядка сих праздника»*^[171]. К 1913 г. в России насчитывалось около 1800 обществ трезвости с общим числом членов более полумиллиона.

В результате важного решения Государя в стране произошли серьезные изменения, отразившиеся как на частной жизни людей и их здоровье, так и на экономике России. Профессор И. Н. Введенский, активный участник трезвенного движения, писал: *«Исчезли с улиц пьяные, не видно стало попрошаек, нищих. Перемену почувствовали прежде всего учре-*

ждения, так или иначе обслуживающие жертв алкоголизма. Опустели камеры для вытрезвления при 22 участках, и сразу сократилось число алкоголиков, как в специальных амбулаториях, так и в психиатрических и общих больницах, резко снизилось число самоубийств. Уменьшилось количество случаев хулиганства, т. к. оно обусловлено в основном алкоголем, констатировалось резкое уменьшение преступлений против личности, собственности и порядка, а вместе с тем заметное ослабление таких зол, как проституция, профессиональное нищенство, бродяжничество и т. п. По данным канцелярии Главного начальствующего Москвы, число мелких краж понизилось до 40 %, такие же преступления, как нанесение ранений, нарушение тишины и порядка в публичных местах, оскорбление полиции сократились на 74 %. Таким образом, количество преступлений, совершаемых в большинстве случаев в состоянии опьянения, понизилось в среднем более чем на 70 %. Снижение преступности привело к тому, что одна из петербургских тюрем пустовала, другая была обращена в лазарет для раненых»^[172]. Повышение производительности труда (от 30 до 60 %) констатировалось во всех отраслях промышленности, как мелкой, так и крупной. Улучшение качества работы, уменьшение брака, отсутствие прогулов, сокращение заболеваемости рабочих, заметное повышение материального благосостояния засвидетельствованы и отдельными лицами, и организациями. «О росте благосостояния трудового населения можно судить

по тому, что с июля по октябрь 1913 года было внесено в московские сберегательные кассы 3 250 000 руб., тогда как за этот же период в 1914 году внесено 6 000 000 руб.»^[173]

Сбывались слова Императора Николая II: «Трезвость – основа благосостояния народа».

Военная реформа 1905–1912 гг.

Необходимость в коренных преобразованиях вооруженных сил Империи была осознана Государем ещё в ходе Русско-японской войны. Причем речь шла не просто об увеличении их численности и воссоздании погибшего в Цусимском сражении флота. С 1905 г. под руководством Николая II начала осуществляться программа коренного реформирования Российских вооруженных сил. Генерал-лейтенант Б. А. Штейфон писал: *«В армии не было области, которая не подвергалась бы реформам на основании опыта войны. Это были годы яркого горения армейской души, годы воистину великих реформ. Реформ, столь идейно возвышенных, как военные реформы Императора Александра II, но по творческому масштабу и по результатам значительно их превосходящие»^[174].*

25 июня 1905 г. Император Николай II принял в Петергофе нового управляющего военным министерством генерала А. Ф. Редигера, которого меньше чем через месяц, 15 июля, он утвердил в должности военного министра. При первом

Всепоподданнейшем докладе А. Ф. Редигера Николай II дал ему несколько руководящих указаний, которыми министр, по его собственным словам, «*мог лишь радоваться*»^[175]. Государь указал на необходимость увеличить пенсии по выслуге лет, что позволило бы «*не делать из армии богадельню*», увольняя из ее рядов пожилых генералов и офицеров. Также Николай II указал на необходимость создания Комитета по образованию войск и контингент хороших офицеров запаса. Государь согласился с Редигером о необходимости омолаживания армии, за счёт сокращения сроков службы^[176]. После достаточного обеспечения войск сверхсрочнослужащими в 1906 г. Указом Императора Николая II были сокращены сроки воинской службы: в пехоте и полевой артиллерии – с 5 до 3 лет, в других войсках – с 5 до 4, на флоте – с 7 до 5. Вместе с тем увеличен контингент новобранцев, с 1908 г. он составлял ежегодно 450 тыс. человек вместо 300–320 тыс. до войны с Японией^[177]. Накануне Первой мировой войны Россия обладала самой многочисленной армией мирного времени относительно других европейских государств: 1 млн 423 тыс. человек^[178].

К 1905 г. особо насущным стал вопрос о реорганизации управления Военного ведомства. Наличие двух центральных органов руководства вооруженными силами, сухопутного и морского, приводило к тому, что они зачастую действовали нескоординировано и их планы противоречили друг другу. Эти разногласия приходилось решать созывом Особых сове-

щений, на которых принимались решения, обязательные для всего Ведомства. Ещё в 1898 г. генерал-лейтенант К. К. Случевский в своем докладе предлагал Императору Николаю II создать Верховный военный совет под Высочайшим руководством. Аналогичное предложение поступило Государю в 1904 г. от генерал-майора графа А. А. Бобринского, предлагавшего создать Совет Государственной обороны^[179]. Однако Государь опасался создания мощного военного органа, который потенциально мог нести угрозу вмешательства военных в дела государственного управления. Тем не менее Русско-японская война, осветившая все недостатки высшего военного управления вооруженными силами, заставила Государя непосредственно обратиться к его реформированию. На секретном совещании высших руководителей армии и флота, которое имело место 28 февраля 1905 г., большинство его участников указали на отсутствие руководящего органа как на одну из главных причин военных неудач^[180]. Мнение Великого Князя было поддержано всеми военными и специалистами, присутствовавшими на совещании. Николай Николаевич представил Государю проект Положения о Совете Государственной обороны, который был доработан к началу лета и 8 июня 1905 г. Высочайше утвержден^[181]. В Положении о нем говорилось: «*В видах обеспечения соответственного государственным потребностям средствам развития вооруженных сил Империи объединения деятельности высшего военного и морского управления и согласо-*

вания ее с деятельностью других правительственных учреждений, по вопросам, относящимся к безопасности государства, учреждается Совет Государственной Обороны. Непосредственно подчиняется Его Императорскому Величеству»^[182]. По планам реформы СГО должен был стать центром объединения управления армией и флотом и их взаимодействия со всеми ведомствами, работающими на оборону^[183]. Совет обороны наделялся правами надведомственного органа. Председателем СГО был назначен Великий Князь Николай Николаевич. В Совет также вошли военный и морской министры, инспекторы всех родов войск, члены Государственного Совета, сенаторы и т. д. Одним из первых и важнейших мероприятий, проведенных СГО, стало обновление старшего командного состава армии, то, о чем Государь говорил с Редигером 25 июня. С этой целью 6 апреля 1906 г. при СГО была создана Высшая Аттестационная комиссия, которая рассматривала представленные кандидатуры на должность командующих армиями, корпусами, дивизиями и отдельными бригадами. Кроме того, Комиссия обсуждала кандидатуры на все генеральские должности^[184]. По свидетельству генерала А. Ф. Редигера, Государь весьма внимательно читал журналы Высшей аттестационной комиссии^[185].

Особое внимание СГО обратил на улучшение быта солдат, предмет постоянной заботы Николая II. Вскоре был издан соответствующий приказ по Военному ведомству по

улучшению быта и довольствия солдат. В 1907 г. было начато переустройство хозяйства в войсках, выработаны новые положения о денщиках, число которых было значительно сокращено, и путевом довольствии^[186]. Войска освобождались от обременяющих их хозяйственных работ: выпечки хлеба, пригонки и обновления обмундирования, которыми теперь занимались в специальных мастерских.

Забота Николая II о солдате проявилась и в значительном улучшении его довольствия. С 1905 г. было увеличено жалованье нижних чинов, солдатам впервые стали выдавать постельные принадлежности. Нижние чины теперь получали 500 граммов хлеба, 160 граммов крупы, пачку чая, 24 грамма сахара^[187]. Кроме того, обед русского солдата состоял из супа (картофельного, перлового или горохового), гречневой или ячневой каши, гуляша, солянки, огуречного или селёдочного супа. Во многих частях действовали солдатские чайные или лавочки. *«Пища солдата, – вспоминал генерал А. И. Деникин, – по числу калорий и по вкусу была вполне удовлетворительна. Солдатский желудок был предметом особой заботливости начальников всех степеней. “Проба” солдатской пищи была традиционным обрядом, выполнявшимся самым высоким начальником, не исключая Государя, при посещении казарм в часы обеда или ужина»*^[188].

Государь всегда заботился о солдатской экипировке. 12 декабря 1907 г. он беседовал с начальником команды разведчиков штабс-капитаном В. В. Елитой фон Вольским, ко-

торый со своим отрядом отправлялся на финляндскую границу в помощь пограничникам. В Великом Княжестве Финляндском тогда было неспокойно. В. В. Елита фон Вольский вспоминал: *«Вот где выказалась особая забота, внимание и любовь Государя к солдату: Его Величество изволил подробно расспрашивать нас о том, обеспечены и я, и разведчики тёплой одеждой, все ли имеют полушубки и валенки, есть ли лыжи; как предполагается организовать довольствие и медицинскую помощь?»*^[189]

Еще в ходе войны встал вопрос о новой реорганизации службы Генерального штаба. Генерал Ф. Ф. Палицын предложил превратить Генеральный штаб в независимый от Военного министерства орган, подчиненный только Государю. 25 июня 1905 г. приказом по Военному ведомству было создано Главное управление Генерального штаба (ГУГШ), задачей которого было стратегическое планирование и разработка общих вопросов обороны Империи. В ГУГШ была передана и вся генерал-квартирмейстерская часть. Отделение ГУГШ от Военного министерства значительно разгружало работу военного министра, но при этом возникала опасная раздвоенность ведомства, которое теперь имело как бы «две головы»: в лице военного министра и начальника ГУГШ генерала от инфантерии Ф. Ф. Палицына. Будущий военный министр генерал от кавалерии В. А. Сухомлинов самым негативным образом оценивал эту реформу. Уже в эмиграции он писал: *«Именно тогда, 8 (21) июня 1905*

года, Царь подписал свой смертный приговор. Именно теперь, после цареубийства в Екатеринбурге в доме Ипатьева, я могу утверждать это без риска быть обвиненным в преувеличении. <...> С 1905 года армия имела две головы, долженствовавшие превратиться в полюсы, между которыми неминуемо должны были возникать на петербургской почве интриги политического и личного характера»^[190]. Несмотря на то, что генерал В. А. Сухомлинов отрицал «преувеличенный» характер этого своего утверждения, оно им, несомненно, являлось. Тем не менее не вызывает сомнений, что Великий Князь Николай Николаевич и генерал Ф. Ф. Палицын не сумели справиться с поставленными задачами, а сама идея «двуглавости» военного ведомства была ошибочной. Государь это окончательно осознал к 1908 г. 26 июля 1908 г. он уволил Великого Князя Николая Николаевича с должности председателя СГО, а генерала Палицына с должности начальника ГУГШ. Вскоре был упразднен и сам СГО. 4 ноября 1908 г. Николай II сказал генералу Редигеру, что он «убедился в неправильности устройства министерства»^[191]. Таким образом, писал А. Ф. Редигер, «единство Военного министерства было восстановлено». Признавая неправильность раздвоения Военного ведомства, Николай II говорил генералу от кавалерии В. А. Сухомлинову, которого назначил начальником Генерального штаба: «Вышло так, что все перепуталось. Я прошу Вас принять должность Начальника Генерального штаба, нам надо распутаться»^[192]. 10 марта

1909 г. Государь отправил в отставку с поста военного министра генерала А. Ф. Редигера, а новым министром назначил генерала Сухомлинова, который стал объектом самой яростной кампании со стороны либералов из Думы и их союзников в военных и правительственных кругах. Они жалели отставку Редигера, которого считали прогрессивным человеком и профессиональным военным. Между тем причина отставки Редигера заключалась в его связях с одним из главных врагов Государя – А. И. Гучковым. Являясь в 1907–1910 гг. председателем думской комиссии по государственной обороне, Гучков смог войти в тесный контакт со многими генералами и офицерами, некоторые из которых занимали высокие должности в военном руководстве. В конце 1916 г. Охранное отделение составило приблизительный список военных, с которыми Гучков поддерживал не только, или не столько, деловые, но и политические контакты. Среди них имя генерала от инфантерии А. Ф. Редигера значилось одним из первых^[193]. В своих воспоминаниях А. Ф. Редигер не скрывал, что Гучков получал по его приказу секретные сведения государственной важности: *«Я дал общее указание по всем частям Министерства: членам Государственного Совета и Думы давать все несекретные сведения, о которых они будут просить. <...> Если нужны были секретные сведения, то они давались Гучкову или двум-трём делегатам комиссии, которые затем удостоверяли перед комиссией, что полученные ими объяснения их вполне убедили»*^[194].

23 февраля 1909 г. Редигер на заседании Государственной думы не только не возразил на оскорбительный выпад Гучкова против руководства армии, но и солидаризировался с ним. Это было, конечно, недопустимо для члена Императорского правительства, тем более военного министра. 24 февраля Государь сказал Редигеру, что Гучкову следовало дать резкий отпор. После чего наступила двухнедельная пауза, в ходе которой Государь обдумывал, оставлять ли генерала на посту военного министра или нет. В результате им было принято решение о смещении Редигера. Конечно, оно было вызвано не только и не столько инцидентом в Думе, сколько совокупностью имеющейся у Николая II информации о связях своего министра с оппозицией. После же поведения Редигера в Думе Государь утратил к нему доверие, без которого дальнейшая работа с ним стала для Царя невозможной, о чем он и сказал Редигеру^[195]. 18 марта 1909 г. Николай II писал матери: *«Пришлось сменить военного министра Редигера за то, что он два раза в Думе не только не ответил против речи Гучкова, но согласился с ним и этим не защитил честь армии. Одновременно переменились и начальники Генерального и Главного штаба. Так, что всё управление стало новым»*^[196]. Начальником Генерального штаба стал генерал от инфантерии А. З. Мышлаевский, начальником Главного штаба – генерал-лейтенант Н. Г. Кондратьев.

Не успели новые руководители Военного ведомства приступить к работе, как при Государственной думе была созда-

на тайная комиссия во главе с Гучковым, в которую вошли многие военные чины армии и флота. Генерал А. И. Деникин свидетельствовал: *«Работа комиссии государственной обороны в период воссоздания флота и реорганизации армии после Японской войны протекала при деятельном негласном участии офицерской молодежи. А. И. Гучков образовал кружок, в состав которого вошли Савич, Крупенский, граф Бобринский и представители офицерства, во главе с генералом Гурко. По-видимому, к кружку примыкал и генерал Поливанов, сыгравший впоследствии такую крупную роль в развале армии»*^[197].

По секретным сообщениям Охранного отделения, в 1909–1910 гг. Гучков *«устроил в квартире некоего генерала на Сергиевской улице так называемый “гучковский главный штаб”. В собраниях этого “штаба” принимали участие чины Генерального и Главного штабов, офицеры разного рода оружия, военные писатели и члены Комиссии по государственной обороне с Гучковым во главе. На означенных частных собраниях нередко оглашались и совершенно секретные сведения»*^[198]. Государь прямо говорил, что *«в оглашении перед Западом слабых сторон нашей армии виноват Гучков»*^[199].

Генерал В. А. Сухомлинов, получив от Охранного отделения список военных членов «гучковской» комиссии, стал, с одобрения Государя, высылать их из столицы, давая им назначения в других городах. Так генерал В. И. Ромейко-Гурко

был назначен командиром 1-й Кавалерийской дивизии, расквартированной в Москве, полковник барон Н. А. Корф отправился командовать 17-м Стрелковым полком и т. д. Вообще, Сухомлинов, несмотря на имеющиеся недостатки, сделал много для реформирования армии и улучшения ее боеспособности. Крайне критически настроенный к высшим военным кругам Российской Империи последнего царствования А. А. Керсновский признает: *«В период 1909–1910 годов Сухомлиновым был произведен ряд важных реформ. Как бы к ним ни относиться, следует признать, что новый военный министр оказал русской армии огромную услугу, выведя ее из той анархии и маразма, в котором она пребывала. До прихода Сухомлинова было дезорганизованное вооруженное бессилие, с приходом Сухомлинова стала организованная вооруженная сила (пусть и далекая от совершенства). Основными предпосылками сухомлиновских преобразований были следующие положения: упрощение организации, усиление материальной части, проведение территориальной системы, сосредоточение внимания исключительно на полевых войсках в предвидении скоротечного характера будущей войны»*^[200].

В 1910 г. В. А. Сухомлинов предложил Николаю II новый план стратегического развёртывания русской армии на случай войны. Он предлагал отказаться от оборонительной тактики и перейти к тактике наступательной: *«Всем известно, что на случай войны наш план обыкновенно носил обо-*

ронительный характер. За границей, однако, теперь знают, что идея обороны отложена, и русская армия будет активной. Не составляет также секрета, что упраздняется целый ряд крепостей, служивших базой по прежним планам войны, но зато существуют оборонительные линии с весьма серьезным фортификационным значением. Оставшиеся крепости у России есть полная возможность усилить и довести их оборонительные средства до высшего предела. Некоторые крепости сохранены только для обеспечения известных стратегических и тактических пунктов Западного края»^[201].

Сухомлинов предложил упразднить Варшавский укрепленный район в виде образовавших его крепостей Варшавы и Зегржа, оставив лишь третью крепость, Новогеоргиевск. Её Сухомлинов предлагал реорганизовать в современную крепость, способную держаться в изолированном состоянии в начальный период войны до выручки армиями, закончившими свое сосредоточение и развертывание по линии усовершенствованной крепости Ковно, вновь построенной крепости Гродно и усовершенствованного Брест-Литовска^[202]. Ивангород был предположен к упразднению, а малую крепость Осовец решено было несколько развить и модернизировать. Этот план Сухомлинова российские либералы, а вслед за ними и большевики окрестили «предательским». На самом деле никакого «плана» взорвать все крепости у Сухомлинова не было, более того, Государь не утвер-

дил и подрыв крепостей, которые министр считал устаревшими. Наоборот, в мае 1910 г. Николай II утвердил план, по которому крепости Новогеоргиевск, Батум, Усть-Двинск и Очаков не только не упразднялись, но должны были быть переустроены, чтобы удовлетворять современным требованиям. В 1913 г. Николай II отменил решения военного министерства об упразднении крепостей на западной границе и одобрил *«сохранение и частичное переустройство крепости Ивангород»*, а затем и других крепостей.

Советская историография долгое время обходила этот факт стороной, и у читателя создавалось впечатление, будто войну Россия встретила с оголённым фронтом, лишённым оборонительных укреплений. Не погнушался фальсифицировать факты и бывший царский офицер, советский маршал Б. М. Шапошников: *«В конце 1912 года, – писал он, – я сам слышал ночные подрывы варшавских фортов. Сухомлинов восторжествовал: русские крепости взлетели ещё до войны на воздух»*^[203]. На самом деле «восторжествовало» желание Шапошникова лишний раз напомнить советской власти о своей лояльности. Именно с целью продемонстрировать «преступную» деятельность царского министра Сухомлинова Шапошников и сочинил подрыв «всех русских крепостей», забыв, по-видимому, что, кроме упомянутых им варшавских фортов, больше ни одной крепости взорвано не было^[204].

К слову сказать, в 1939–1940 гг. по приказу маршала

Шапошникова были законсервированы, частично подорваны или лишены вооружения укрепрайоны на т. н. «линии Сталина», которые вся страна строила 7 лет и на которые ушли огромные силы и средства советского народа. Фактическое уничтожение «линии Сталина» значительно облегчило вермахту продвижение в глубь СССР летом 1941 г.

Кстати, боевые действия 1914–1915 гг. убедительно доказали неэффективность крепостей в новых условиях. Твердыни Льежа, Намюра, Антверпена, Перемышля, Эрзерума быстро рухнули под мощным артиллерийским огнём современных орудий.

По инициативе Государя в европейской части России была введена территориальная система комплектования, созданы корпусные, дивизионные и полковые районы пополнения, что существенно облегчало мобилизацию. В армии были упразднены слабые и устаревшие резервные и крепостные войска, составлявшие 15 % общей ее численности.

Были созданы и значительно усилены инженерные войска (саперные, телеграфные, понтонные), железнодорожные войска, войска связи, на вооружение которых стали поступать новые понтоны и мостовые конструкции, средства инженерного заграждения, путеукладчики, радиостанции. Большие усилия были направлены на улучшение личного состава армии, освобождения ее от негодного начальствующего состава, выдвижение более достойных и способных лиц и улучшение материального положения офицеров, унтер-офи-

церов и нижних чинов.

В 1907 г. было введено новое единое обмундирование для офицеров и нижних чинов. Оно было защитного (зелено-вато-серого) цвета. Появились погоны защитного цвета^[205]. Новая повседневная и полевая форма отличалась элегантностью, большой практичностью и удобством. Она намного опередила своё время и в 1943 г. во время Великой Отечественной войны была с небольшими изменениями введена в Красной армии, в которой советские солдаты и закончили победоносно войну.

Николай II уделял большое внимание удобству и практичности новой формы. А. А. Мосолов свидетельствовал, что Государь *«в Ливадии преодолел сорок вёрст в солдатском обмундировании, с полной выкладкой, винтовкой и солдатским пайком для того, чтобы проверить пригодность новой экипировки»*^[206].

Русско-японская война показала, что с появлением дальнобойного стрелкового и артиллерийского вооружения значение кавалерии стало уменьшаться. Тем не менее русская армия в результате военной реформы имела самую многочисленную и обученную кавалерию в Европе. Г. К. Жуков, служивший в те годы в кавалерии, вспоминал: «Оценивая теперь учебную команду старой армии, я должен сказать, что, в общем, учили хорошо. Каждый выпускник в совершенстве владел конным делом, оружием и методикой подготовки бойца»^[207].

По воле Государя коренному пересмотру подлежали управление, организация и численность русской артиллерии. Русско-японская война продемонстрировала, с одной стороны, ее прекрасные свойства, гибкость и сноровку, современность орудий, а с другой – отсталую тактику, при которой огонь вёлся с открытых позиций прямой наводкой. Плохо обстояло дело также и с взаимодействием с пехотой. В армии ощущалась катастрофическая нехватка тяжелых орудий. В ходе реформ артиллерия стала делиться на полевую, крепостную и морскую. В свою очередь полевая артиллерия делилась на лёгкую, конную, горную, мортирную и тяжёлую. Крепостная артиллерия делилась на крепостную, осадную и береговую. Большую роль в реформировании русской артиллерии сыграл Великий Князь Сергей Михайлович, которого А. А. Керсновский справедливо называет *«творцом скорострельной русской артиллерии. Знаток своего дела, чрезвычайно требовательный и часто неприятный начальник, он знал достоинства и недостатки каждого из сотен дивизионных и батарейных командиров, а зачастую и старших офицеров. От всех их он сумел добиться подлинной виртуозности в стрельбе»*^[208].

6 февраля 1910 г. указом Императора Николая II началось развитие военной авиации^[209]. В 1911 г. были созданы воздухоплавательные роты и батальоны. За короткий срок авиация выделилась в самостоятельный род войск. Было сформировано около 40 авиационных частей. По количеству самолё-

тов Россия опережала многие государства. В стране работало два конструкторских бюро: И. И. Сикорского и Д. П. Григоровича. В 1913 г. группой конструкторов, куда входили ставшие впоследствии знаменитыми А. Н. Туполев и Н. Н. Поликарпов, был разработан лучший боевой отечественный самолёт той эпохи «Илья Муромец». Он имел четыре двигателя по 150 л.с., специальные приспособления для несения бомб и механический бомбосбрасыватель. В кабине лётчика был карабин, а позднее в ней был установлен пулемёт. Дальность полёта этого самолёта достигла 630 км, потолок – 3500 м, максимальная скорость – 120 км/ч. У России, единственной в мире, имелись гидросамолёты С-10 «Гидро» и С-5 «Гидро», которые были изготовлены в конструкторском бюро Григоровича. Эти самолёты могли взлетать не только с воды, но и с палубы кораблей. Под это были переоснащены два парохода – «Императрица Александра» и «Прозорливый».

В 1914 г. в Красном Селе Император Николай II выразил желание осмотреть новый самолет-гигант авиаконструктора И. И. Сикорского «Гранд», в 1913 г. переименованный в «Русский Витязь». Государь осмотрел его снаружи, поднялся на борт. Аэроплан произвел на него большое впечатление. Сикорский получил от Николая II памятный подарок – золотые часы. Кроме того, 24-летний авиаконструктор «за заслуги, оказанные в деле военной авиации», был награждён орденом Святого Владимира IV степени и возведён в дворянство. Положительное мнение Монарха защитило самолет

от попыток запятнать репутацию этого удивительного проекта. Сын И. И. Сикорского, Н. И. Сикорский вспоминал, что его отец *«очень уважал Николая II. Царь произвёл на него сильное впечатление, когда со знанием дела задавал вопросы, осматривая “Русский Витязь”»*^[210].

В 1902 г. подъесаул М. А. Накашидзе предложил проект бронированного автомобиля. Во время Русско-японской войны он спроектировал бронеавтомобиль с бензиновым двигателем, 4,5-мм бронёй и пулемётом, установленным на вращающейся башне. Эта бронемашина успешно прошла испытания на манёврах в Красном Селе в 1906 г. Было решено, что эти броневики можно использовать для рейдов в тыл противника и проведения там партизанских действий. 10 имеющихся бронемашин были распределены по четырём военным округам для подготовки специальных учебных команд. В 1912 г. началось серийное изготовление автомобилей на Русско-Балтийском заводе в Риге. Завод изготовил 50 машин, в 1913 г. – 127, в 1914 г. – 300 машин^[211]. В России в присутствии Государя стали устраиваться регулярные автопробеги, которые способствовали развитию и совершенствованию автомобильного дела в России.

С начала XX в. резко увеличили свою численность казачьи войска. Если в 1894 г. они насчитывали 284 сотни при 108 орудиях^[212], то к 1914 г. численность казачьих войск возросла до 560 конных и 40 пеших сотен при 186 орудиях^[213].

Император Николай II значительно укрепил офицерский

корпус. Юнкерские училища были преобразованы в военные училища, получившие новые программы. Открыты 3 академии, 8 кадетских корпусов. В 1913 г. в России насчитывалось 7 военных академий, 23 военных училища, 7 офицерских школ, 5 офицерских классов и 31 кадетский корпус. Армия все больше приобретала всесословный характер. В 1912 г. только 53,6 % офицеров (в пехоте – 44,3 %) были дворянами, остальные – из других сословий.

В середине октября 1913 г. была принята так называемая «Большая программа», призванная коренным образом переустроить русскую армию, доведя ее по всем показателям до современного уровня. Программа должна была быть выполнена к осени 1917 г. Б. М. Шапошников писал: «*“Большая программа по усилению армии” была утверждена в октябре 1913 года и предусматривала проведение до осени 1917 года мероприятий по коренному преобразованию армии, особенно в области ее технического оснащения (количественное и качественное усиление артиллерии, развитие авиации, автомобильного транспорта и т. д.). С началом Первой мировой войны выполнение программы было отменено*»^[214].

Военный историк А. А. Керсновский утверждал, что «*по этой программе русская армия к концу 1917 г. сравнивалась техникой с германской. По Большой программе наша сухопутная вооруженная сила доводилась с 1230 тыс. человек до 1710 тыс. человек в мирное время. <...> По Большой программе предполагено было на 1914–1917 гг. сформиро-*

вать 26 кавалерийских полков. <...> Особенно усиливалась артиллерия»^[215].

К 1914 г. был воссоздан русский флот, который представлял собой грозную силу из 13 броненосцев, 7 линейных кораблей, 14 крейсеров разного класса, 66 эсминцев, 15 подводных лодок. Россия, единственная в мире, имела авианосцы на базе пароходов «Императрица Александра» и «Прозорливый», способных держать на своих бортах по 4 гидросамолета, которые также состояли на вооружении исключительно в русской армии. Особое место занимало строительство линейных кораблей.

Об успешности проведенных военных реформ свидетельствовали представители главного потенциального противника России – Германии. Гельмут фон Мольтке-младший так оценил в 1914 г. военные усилия России: *«Боевая готовность России со времен русско-японской войны сделала совершенно исключительные успехи и находится ныне на высоте еще не достигавшейся высоте»*^[216].

Русское экономическое чудо 1909–1913 гг.

Накануне Первой мировой войны протяженность Российской Империи с севера на юг составляла 4383,2 версты (4675,9 км) и с востока на запад – 10 060 верст (10 732,3 км). Общая длина сухопутных и морских границ измерялась в 64 909,5 версты (69 245 км). По сравнению с данными переписи

си 1897 г. население Империи к 1913 г. возросло до 178 млн человек, то есть прирост составил 53 млн человек.

Доктор ист. наук В. А. Никонов считает: *«По темпам роста численности населения Российская империя при Николае II занимала одно из первых мест в мире. Есть разные оценки населения Российской Империи к началу Первой мировой войны – они от 170 до 180 млн человек. А это значит, что каждый 7-й человек на планете жил в пределах Российской Империи. Для сравнения: современная Российская Федерация имеет население 142 млн человек – притом что с тех пор население планеты выросло в 6 раз. Лишь каждый 50-й землянин живет сейчас в Российской Федерации»*^[217].

Если брать расчеты, производимые учеными того времени, в частности Д. И. Менделеева, то к середине XX в. население России должно было равняться 400 млн человек, а *«через 155 лет число жителей возрастет в 10 раз, т. е. в 2052 г. жителей в России будет 1282 млн.»*^[218]

В 1909 г. в России начался новый экономический подъём, интенсивность которого не только не уступала, но во многом превосходила подъём 1890-х гг. Предвоенное пятилетие стало временем наивысшего взлета Императорской России, которому суждено было стать последним. Он затронул все важнейшие стороны жизни страны. В связи с быстрым ростом городов удельный вес горожан заметно увеличивался, составив, однако, к кануну войны около 15 % населения. Высокими темпами шло развитие промышленности. Преодолев по-

следствия тяжелого экономического кризиса 1900–1903 гг. и последовавшую за ним депрессию, она за годы предвоенного экономического подъема (1909–1913 гг.) почти в 1,5 раза увеличила объем производства. Причем, отражая продолжавшийся процесс индустриализации страны, тяжелая промышленность по темпам роста заметно превосходила легкую (174,5 против 137,7 %).

Крупная промышленность по-прежнему была сосредоточена в 6 районах – Центрально-Промышленном, Северо-Западном (Петербургском), Прибалтийском, Южном, Польском, Уральском, в которых производилось свыше 75 % валовой продукции и концентрировалось до 79 % всех фабрично-заводских рабочих. За 1890–1913 гг. объём продукции тяжелой промышленности вырос в 7 раз. Только в Южном промышленном районе было построено 17 крупных металлургических заводов с 41 новейшей домной, которые увеличили объем продукции в 7 раз.

К 1914 г. российская промышленность насчитывала 27 566 предприятий, из них 255 металлургических заводов, 568 предприятий угольной промышленности, 170 нефтедобывающих и 54 нефтеперерабатывающих предприятий, 1800 крупных и мелких металлообрабатывающих предприятий.

В 1895 г. Император Николай II утвердил строительство на Раушской набережной Московской центральной электростанции, сооруженной в 1897 г. На этой станции впервые в Европе была применена новая 3-фазная кольцевая система

передачи тока, который трансформировался до 120 Вт и доставлялся абонентам. К 1902 г. средний тариф за кВт/час снизился вдвое и составил 2 коп. Отмена платы за подключение привела к увеличению числа абонентов, замене дуговых ламп на более дешёвые лампы накаливания и распространению электрического освещения в Москве.

В 1896 г. под Петербургом, на Охтинских паровых заводах, была пущена центральная ГЭС трехфазного переменного тока мощность 300 кВт – одна из первых в мире. В 1897 г. в Петербурге завершено строительство Центральной городской электростанции мощностью 538 кВт.

Николай II поддержал первый опыт создания будущей энергосистемы. Благодаря его личной инициативе в России был введен план строительства электростанций. В 1901 г. были запущены первые электростанции в Курске и Ярославле, 1908 г. вступила в строй первая электростанция Читы, в 1912 г. – пуск электростанции во Владивостоке, 1912–1914 гг. – строительство и запуск крупнейшей в мире торфяной теплоэлектростанции «Электропередача» вблизи г. Богородска.

В 1903 г. вблизи Ессентуков одновременно со строительством гидроэлектростанции были сооружены 4 крупные трехфазные воздушные линии электропередачи 8 кВ протяженностью 20 км к Пятигорску, Кисловодску, Ессентукам, Железноводску. В 1909 г. было закончено строительство Гиндукушской ГЭС мощностью 1,35 МВт на реке Мургаб

в Туркмении. Итогом предвоенного развития электроэнергетики России стал выход в 1913 г. на суммарную установленную мощность источников электроэнергии в 1100 МВт и выработку 1 900 000 Мвт/ч в год. К 1914 г. в Российской Империи насчитывалось 22 электростанции и гидроэлектростанции. По уровню производства электроэнергии Российская Империя входила в четвёрку передовых держав, таких как США, Германия и Великобритания. При поддержке Императорской Академии наук регулярно проходили электротехнические съезды – с 1900 по 1913 гг. их состоялось восемь. На съездах обсуждались как конкретные планы строительства отдельных объектов, так и стратегические перспективы.

В 1899 г. Государь присвоил статус вуза петербургскому Электротехническому институту Императора Александра III, который был ведущим в Европе. Здесь сформировались научные школы в электросвязи, радиотехнике, электротехнике, электроэнергетике. В 1904 г. была оборудована первая в России высоковольтная лаборатория (200 кВт), в 1910 г. разработан проект Волховской ГЭС. Осуществленная в стенах института в 1916 г. первая трансляция низкой частоты на электронных лампах разрешила вопрос дальнего телефонирования. По указанию Николая II к 1915 г. была сформулирована Стратегия электрификации России, на основе которой большевики реализовали свой план ГОЭЛРО. При Императоре Николае II электрический трамвай стал

основным видом городского транспорта. Первый электрический трамвай был запущен ещё в 1892 г. в Киеве. В 1896 г. трамвайная линия была запущена в Нижнем Новгороде, в 1897 г. – в Екатеринославе и Елизаветграде, в 1898 г. – в Курске, Витебске и Орле, в 1899 г. – в Москве, Житомире, Либаве, Казани и Кременчуге, в 1900 г. – в Астрахани, Ярославле и Екатеринодаре, в 1901 г. – в Риге, Твери и Смоленске, в 1907 г. – в Санкт-Петербурге.

В 1907 г. в Москве, на Водоотводном канале, было завершено строительство новой муниципальной электростанции «Трамвайная» мощностью 6 МВт. В 1916 г. был отмечен максимум перевозок трамваем в Москве, Петрограде, Киеве, Варшаве, Ростове-на-Дону, Харькове, Екатеринославе – 1,1 млрд пассажиров^[219].

В 1904 г. Император Николай II дал согласие на установление автомобильного сообщения по всему Черноморскому побережью России. Были установлены предельные размеры пассажирских и грузовых тарифов, разработаны технические условия, которым должен соответствовать автомобильный транспорт. С 1908 г. в МПС было подано более шестидесяти просьб о разрешении открыть регулярное сообщение. МПС даже создало в начале 1907 г. специальное отделение, ведающее вопросами пассажирского автомобильного сообщения. Большое число автобусных маршрутов имелось в Малороссии, Польше, Прибалтике и центральных губерниях.

Эксплуатация автомобилей-омнибусов в Петербурге началась 12 августа 1906 г. Благодаря этому разрешению «Акционерное общество моторных карет» открыло в городе 15 маршрутов, в которые входила кольцевая линия, соединяющая все вокзалы города. Маршруты обслуживались как двухэтажными, так и обычными автобусами, а плата за проезд составляла 9 коп. в первом классе и 6 коп. во втором. Автобусы были оснащены четырех- и шестицилиндровыми бензиновыми двигателями мощностью 30–40 л. с. Скорость составляла 12 верст в час на центральных улицах города и на менее многолюдных – 18 верст.

В Москве 13 августа 1908 г. состоялось открытие регулярного движения двух десятиместных автобусов марки «Лаурин и Клемент». Всего через месяц городская управа приобрела через представительство инженера Г. О. Ростовского три автобуса «Бюссинг», предназначенных для перевозки людей по Якиманке между Каменным мостом и Серпуховскими воротами.

Затем, используя опыт и пример столиц, автобусные маршруты открылись и в других городах страны. В Архангельске 18 июня 1907 г. было установлено автобусное сообщение. Поначалу на линии работала лишь одна машина, а с 20 сентября – две. В конце 1909 г. «Российско-Западное товарищество механических перевозок» в Вильно организовало в городе автобусное движение. В Новочеркасске автобусы поехали 1 января 1910 года. Автобусный маршрут в Харько-

ве, на котором курсировали три машины, был открыт 6 июня 1910 года. В начале 1910 г. в Нижнем Новгороде московский предприниматель Г. О. Йенсен открыл автобусное сообщение по двум улицам.

По указанию Николая II в 1910–1912 гг. были разработаны проекты электрифицированного метрополитена в Санкт-Петербурге и Москве. Инженер П. И. Балинский предложил создать разветвленную сеть железных дорог обеих столиц – Санкт-Петербурга и Москвы, предложил создать радиально-кольцевую транспортную систему с Центральным вокзалом. Кольцо должно было охватить все пригороды Петербурга, планировалось построить 11 новых мостов через Неву и ее рукава. В Москве проект начал частично осуществляться, когда была построена окружная железная дорога. Но настоящий, подземный метрополитен построить не удалось, сначала из-за нехватки средств, а затем из-за начавшейся мировой войны.

К 1914 г. по уровню промышленного производства Россия занимала четвертое место в Европе, пятое в мире, уступая по важнейшим показателям таким странам, как США, Германия, Великобритания, Австро-Венгрия, Франция. В 1913 г. по объему производства Россия почти сравнялась с Англией, значительно превзошла Францию, в 2 раза обогнала Австро-Венгрию и достигла 80 % объема производства в Германии.

В годы царствования Императора Николая II добыча уг-

ля выросла в пять раз (от 7,2 млн тонн в начале XX в. до 35,4 млн тонн в 1913 г.). Врубковые машины и механические отбойные молотки впервые появились в Донбассе в 1909 г. В 1910 г. началась разработка Кузнецкого и Черемховского бассейнов. К 1913 г. уголь в топливно-энергетическом балансе России составлял 50,3 %. К 1913 г. приток иностранных капиталов в угольную промышленность Российской Империи достиг 108,2 млн рублей золотом. В годы Первой мировой войны Россия, единственная из воюющих стран, увеличила добычу угля на 18,4 %.

К 1913 г. выплавка железа и стали увеличилась по сравнению с 1901 г. более чем в 4 раза (от 0,9 млн тонн до 4,3 млн тонн). В 1913 г. выпуск цветных металлов составил, тыс. т: меди – 17, цинка – 2,9, свинца – 1,5. В 1916–1917 гг. начался выпуск вольфрамовых концентратов. К 1913 г. Россия по объёму производства чугуна (4,03 млн т) и стали (3,68 млн т) занимала 5-е место в мире.

Россия была новатором в создании нефтепродуктов, танкерного флота, резервуаров для хранения нефти, бензина и керосина, их перевозки в железнодорожных цистернах. Первый в мире теплоход-танкер «Дело» построен в России в 1908 г. В 1911 г. был спущен на воду первый в мире паротурбинный миноносец «Новик», работавший на мазуте и развивавший скорость 69 км/ч.

В годы царствования Императора Николая II Баку и Грозный превратились в мощные индустриальные центры. В

1901 г. Бакинский нефтяной район давал 50 % мировой добычи. По объёмам добычи нефти (11,3 млн тонн) Россия в 1898 г. обогнала США. К 1910 г. в России было 133 нефтеперерабатывающих завода. В 1913 г. было произведено 4,2 млн т мазута, использовавшегося в энергетическом хозяйстве в качестве топлива для кораблей.

В 1908 г. в России имелось 57 884 паровых котла. К 1912 г. в стране было 54 449 гидросиловых установок (треть из которых составляли гидротурбинные установки) общей мощностью 636 856 л. с. Нефтяная промышленность России из «осветительной» превратилась в топливную. Структура нефтеэкспорта в 1913 г. выглядела следующим образом: керосин – 46,2 %, бензин – 16 %, масла и смазки – 25,1 %, мазут – 6,8 %. В 1904 г. Россия вывезла 1,37 млн т керосина, в 1913 г. – 210 тыс. т осветительных и смазочных, 628 тыс. т нефтяных масел. Нефтепродукты шли в Англию, Австро-Венгрию, Германию, Голландию, США, Японию. К 1917 г. в России было построено 1278,7 км магистральных трубопроводов. Керосинопровод Баку – Батум длиной 882,5 км с 16 перекачивающими станциями был самым мощным в мире. Нефтепродуктопровод Грозный – Порт-Петровск имел протяжённость 162 км. Все оборудование было изготовлено на отечественных предприятиях. Русская нефтяная промышленность в 1914 г. с ее 373 предприятиями, 9,3 млн т нефти, 6,6 млн т нефтепродуктов занимала второе место в мире. По экспорту смазочных масел Россия

занимало первое место в Европе (21 % европейского экспорта).

Среди вывозимых товаров из России, как и в предыдущие годы, ведущее место занимали продукты земледелия. Россия занимала первое место по вывозу хлеба, она давала перед войной около трети мирового экспорта, оставив позади таких крупнейших производителей зерна, как Аргентина и США. В среднем за предвоенное пятилетие вывоз хлеба ежегодно составлял 727 млн пудов.

Кроме зерновых товаров, Россия к 1914 г. вывозила яйца, масло, лен, кожи, пушнину и в большом количестве лес (преимущественно в необработанном виде). Несмотря на широкое использование в качестве строительного материала железа и камня, а угля и нефти как топлива, значение древесины неуклонно возрастало. Русский лес импортировали Германия, Франция, Испания, Италия, Англия, балканские и другие европейские государства. Такие страны, как Англия, Бельгия, Голландия, издавна использовали вывозимый из нашей страны лес в судостроении. Из России они получали также пиломатериалы и рудничную древесину.

Ежегодно Россия экспортировала свыше 1110 тыс. пудов лесоматериалов на сумму около 200 тыс. рублей. Ближайшими конкурентами России до начала XX в. на мировом лесном рынке выступали США и Канада. Но к началу второго десятилетия вывоз леса и лесоматериалов из России резко возрос, и Империя уже не имела в этом вопросе соперников.

В 1909–1913 гг. Россия оставалась главным поставщиком льна на мировом рынке. Лён стоял на третьем месте экспорта после хлеба и леса. Россия экспортировала лён в Англию, Бельгию, Францию, Германию и другие страны. Иностранные торговые фирмы, прежде всего германские, были объединены в «Интернациональное общество экспортеров русского льна», которое располагало крупными капиталами и доминировало на мировом рынке льна. Активно действовала московская банкирская контора братьев Рябушинских, имевшая свои отделения в основных центрах льноводства. К 1913 г. произошла механизация льняной промышленности увеличение выработки при сокращении числа веретен как результат концентрации и монополистического объединения льняной промышленности.

Благодаря большим работам по орошению в Туркестане, предпринятым ещё в царствование Императора Александра III, урожай хлопка в 1913 г. покрывал все годовые потребности русской текстильной промышленности, которая в период с 1894 по 1911 г. удвоила своё производство.

В царствование Императора Николая II были построены ведущие железные дороги Российской Империи. К 1894 г. эксплуатационная длина железных дорог общего пользования в Российской Империи составляла 32 709 верст^[220]. К концу 1909 г. она достигла 65 991 версты. Главным достижением на этом направлении был знаменитый Транссиб. По скорости сооружения (в течение 12 лет), по протяженности

(7,5 тыс. км), трудностям строительства и объемам выполненных работ Великая Сибирская железная дорога не знала себе равных во всем мире. В условиях почти полного бездорожья на доставку необходимых строительных материалов, а фактически приходилось завозить все, кроме леса, – затрачивалось много времени и средств. Например, для моста через Иртыш и для станции в Омске камень везли 740 верст по железной дороге из Челябинска и 580 верст с берегов Оби, а также по воде на баржах из карьеров, расположенных на берегах Иртыша в 900 верстах выше моста. Металлические конструкции для моста через Амур изготавливались в Варшаве и доставлялись по железной дороге в Одессу, а затем перевозились морским путем во Владивосток, а оттуда по железной дороге в Хабаровск. Примечательно, что строительство такого грандиозного пути было осуществлено сравнительно малым числом рабочих. В 1891 г., при начале строительства, на сооружении Транссиба было 9600 человек, а в 1895–1896 гг., в разгар строительных работ, – 84–89 тыс., в 1904 г., на завершающем этапе, – только 5300 человек. На строительстве Амурской железной дороги в 1910 г. работало 20 тыс. человек^[221].

В 1904 г. американский журнал *Scientific American* назвал строительство Транссиба самым выдающимся техническим достижением рубежа веков. Кроме того, России принадлежала Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД) протяженностью в 1617 верст. К концу 1910 г. в постройке нахо-

дилось 5448 верст. Подвижной состав к 1910 г.: паровозов – 20 004, вагонов товарных – 445 014, пассажирских – 22 369, что было на 25–30 % больше по сравнению с 1904 г.

В 1906 г. в России началось обсуждение проекта «Второго Транссиба», который фактически должен был проходить по району современной Байкало-Амурской магистрали (БА-Ма). В 1911–1914 гг. по заданию Правительства на маршрутах Иркутск – Жигалово, Тулун – Усть-Кут, Тайшет – Усть-Кут начались изыскательные работы партиями инженеров П. И. Михайловского и И. И. Афонина. Также велись обследования в районе р. Амур с целью прокладки железнодорожного пути от золотодобывающих приисков в районе р. Бодайбо и обеспечения связи этих районов с Транссибирской магистралью^[222].

В 1908 г. протяженность железных дорог земного шара превысила 1 млн км. В период 1910–1916 гг. железнодорожная сеть Европы возросла на 24 764 км, в том числе Италия увеличила свою рельсовую сеть на 7,6 %, Голландия – на 6,4 %, Германия – на 6,3 %, Австро-Венгрия – на 4,1 %, Франция – на 4,1 %, Бельгия – на 3,6 %, Англия – на 2,8 %, Испания – на 2,4 %. **Россия увеличила свою сеть на 22,6 %**, а США – только на 7,9 %. В 1913 г. протяжённость российских железных дорог равнялась 71,7 тыс. км, возрос их грузооборот. Железная дорога Оренбург – Ташкент значительно оживила торговлю Европейской России с Туркестаном и Средней Азией. При этом железнодорожные

пассажирские перевозки в России были самыми дешёвыми и комфортабельными в мире.

Большую роль в грузовых перевозках играл речной флот (около 31 тыс. судов, в том числе 5556 паровых). В 1907 г. на Коломенском заводе был построен первый в мире речной теплоход. К 1914 г. 70 из 80 имевшихся в мире речных теплоходов были российскими.

Невиданными темпами развивалось русское сельское хозяйство, что являлось последствием Аграрной реформы. В 1913 г. в России урожай главных злаков был на $\frac{1}{3}$ выше, чем в Аргентине, Канаде и США вместе взятых. Сбор ржи в 1894 г. дал 2 млрд пудов, а в 1913 г. – 4 млрд пудов^[223]. В царствование Императора Николая II Россия была главной кормилицей Западной Европы. Особенно обращает на себя внимание рост вывоза сельскохозяйственных продуктов из России в Англию (зерна и муки, в миллионах фунтов; русский фунт – 0,4 кг): 1908 г. – 858 279 000, 1909 г. – 1 784 288 000, 1910 г. – 2 820 049 000^[224]. Россия поставляла 50 % мирового вывоза яиц.

Долгие годы в сознание нашего народа внедрялось представление о «вечном» голоде в Императорской России. Этой ложью большевики пытались оправдать чудовищные голодоморы 20-х, 30-х и 40-х гг., а также постоянную нехватку продуктов все последующие годы советской власти.

На самом деле в России до 1912 г. случались большие недороды. Самый большой из них был в 1891 г. Он стал

результатом всемирного аграрного кризиса, который затронул в начале 1880-х гг. также Англию, Францию, Германию, восточные штаты США. К слову сказать, в 1845–1850 гг. страшный голод в Ирландии, организованный английской правящей верхушкой, унес жизни 1,5 млн человек. Последствия этого голода к началу XX в. сократили численность ирландского населения более чем на 30 %^[225].

Неурожай 1891 г., продолжившийся в 1892 г., был вызван сильной засухой. Он постиг 25 губерний и был самым крупным в Российской Империи. Всего в период 1891–1892 гг. голодало 30 млн человек. В 1897 г. неурожай имел место в 18 губерниях. Причины были разными: засуха, неблагоприятная зима, нашествие насекомых-вредителей. В 1897–1898 гг. голодало 27 млн человек.

Летом 1905 г. имел место недород в среднечернозёмных, приволжских, заволжских и восточных губерниях. От неурожая пострадали в основном традиционно земледельческие районы, занимавшие, по официальным данным МВД, до 43 % всех пахотных земель в России. Последний «царский» неурожай случился в 1911 г. – он был отражением серьёзного общеевропейского неурожая на зерновые из-за засухи. Неурожай охватил обширную территорию: все уезды Астраханской, Оренбургской, Самарской, Саратовской, Симбирской и Уфимской губерний, а также многие уезды Вятской, Казанской, Нижегородской, Пензенской, Пермской губерний и Области Войска Донского, так или иначе затро-

нув более 20 млн человек. В пострадавших районах собрали только $\frac{1}{3}$ урожая зерновых против среднего.

Однако следует отметить, что неурожаи и недоедания в Императорской России не приводили к массовой смертности. Все большевистские утверждения о том, что в России якобы от голода умирало до 4 млн человек в год являются откровенной ложью, которая основывается на фальшивых *«ежегодных отчётах Коллегии Лейб-Канцелярии»*^[226], в состав которой входили врачи, инженеры, специалисты сельского хозяйства, готовили для Царя отчет, озаглавленный *“Полное сообщение о положении дел в Империи Российской”*^[227].

Министр земледелия в 1892–1905 гг. А. С. Ермолов, затем руководивший Центральным комитетом по оказанию врачебно-продовольственной помощи населению, писал, что *«согласно сообщениям всех опрошенных мною земских деятелей, представителей Красного Креста, членов местной врачебной администрации – если уже не верить чинам администрации общей – ни одного случая смерти непосредственно от голода, от полного отсутствия всякой пищи, не говоря уже про случаи самоубийств или убийств детей из-за голода, не было констатировано ни разу и нигде»*^[228]. Ермолов отмечал, что прирост населения в 1906–1907 гг. отмечался везде, а в некоторых губерниях (Орловская, Тамбовская, Уфимская) даже превзошёл прирост за предшествующий год.

Нет данных о голодных смертях и у советских и российских демографов. В своих исследованиях А. Г. Рашин доказывал, что в период с 1890 по 1913 г. смертность стабильно понижалась: от 36,7 умершего на 1000 населения в 1890 г. до 27,4 на 1000 населения в 1913 г.^[229]

Не подтверждаются «огромные потери» от голода и позднейшими изысканиями демографов. В многотомном труде «Население России в XX веке» однозначно указывается, что «во всех регионах Европейской России к 1913 население дало значительный прирост. По сравнению с 1897 г. число жителей Центрального промышленного региона увеличилось на 32,4 %, Северо-Западного района – на 37 %, Среднего и Нижнего Поволжья – на 34,3 %, Центрально-Чернозёмного района – на 38,8 %. Самый большой прирост наблюдался на Северном Кавказе – 68,4 %»^[230]. То есть Черноземье и Поволжье, якобы постоянно «выкашиваемые» голодоморами-миллионниками, дают одни из самых высоких показателей прироста населения.

Если брать голодные годы, то в 1907 г. зарегистрирован очень высокий естественный прирост населения (18,1 %), немногим ему уступали якобы «катастрофические» 1911-й (17 %) и 1912-й (16,9 %). Низший за первые 15 лет XX века прирост зарегистрирован в беспокойном 1905-м (13,9 %).

С этими данными совершенно не согласуются «регулярные миллионные цифры умерших». Они дали бы однозначную отрицательную динамику и свидетельствовали бы о вы-

мировании населения. Между тем даже в период якобы «гигантского голода» 1911–1912 гг. население выросло более чем на 3 млн человек. Для сравнения можно поднять данные о годах советских голодоморов (1921–1922, 1931–1933, 1946–1948): полное прекращение роста населения страны, а затем и уход показателей роста в минус, резкое падение показателей ожидаемой продолжительности жизни.

Таким образом, можно сделать единственный вывод: после голода 1891–1892 г., который сопровождался острой эпидемией холеры, более ни один недород в Российской Империи не повлёк за собой «голодных смертей».

Следует отметить, что Императорское Правительство прилагало огромные усилия в борьбе с последствиями неурожаев. В 1897 г. из Общеимперского капитала отпущено ссуд на сумму 5,4 млн рублей, в 1898-м – 35,2 млн (как на продовольствие населения – хлеба закуплено 34,4 млн пудов, – так и на поддержание скотоводства крестьян), организованы общественные работы, в частности перевозка крестьянами закупленного Правительством для голодающих хлеба на места.

Вызванный нехваткой кормов падёж лошадей компенсировали закупкой у степных жителей лошадей тамошних пород (как наиболее выносливых) и поставкой их на льготных условиях к началу полевых работ. Снабжение кормами нуждающихся хозяйств производилось на «ссудных началах» (с выплатой в течение 3–5 лет), в 1898-м на эти нужды было

израсходовано 7 млн рублей.

В открытых Красным Крестом столовых кормилось до 1,5 млн человек, в основном женщины, дети, старики и немощные, но в исключительных случаях и работоспособные мужчины (при отсутствии заработков), паёк же получили свыше 2 млн.

Начало действовать созданное по инициативе Императрицы Александры Феодоровны Попечительство о домах трудолюбия и работных домах. Среди частных благотворителей особенно отличился бессарабский помещик В. М. Пуришкевич – благодаря его кипучей деятельности на собранные пожертвования удалось открыть около 20 столовых и спасти тем самым от голодной смерти сотни людей. Кстати, благодаря этому его заметили и оценили в Петербурге. Повсюду, где возникал голод, открывались пункты питания для детей, женщин и неспособных к труду, в каждом из которых питалось до 1000 человек.

По мнению наблюдателей, *«продовольственная кампания 1906–1907 гг. была проведена Продовольственной частью МВД с таким успехом, который при данных условиях и при действии существующего закона только и был возможен»*.

В то же время активно оказывали помощь голодающим благотворительные организации. Один Красный Крест при содействии местных властей открыл бесплатные столовые и питательные пункты, выдавшие за время бедствия 270 млн обедов и пайков. Святейший Синод ввёл сбор в пользу голо-

дающих во все воскресные и двенадесятые праздники.

Все более существенную роль играла частная благотворительность. Возникли многочисленные частные попечительства, местные общества, союзы, комитеты. Помощь «частников» оказалась серьёзнейшим подспорьем для государства, чьи запасы (как Общеимперский, так и губернские продовольственные капиталы) сильно истощились ещё в недород 1905 г.

На снабжение кормами в неурожай 1911–1912 гг. Правительством истрачено 9–12 млн, выдавались ссуды на прокорм (так, в Сибири выдавали по 300 рублей пособия на корову), распределено на льготных условиях 16 тыс. лошадей. Общественные работы для крестьян в качестве эксперимента решили в этот раз сделать основным видом помощи. На их проведение ассигновано 42 млн рублей, причём 84 % суммы пошло на заработную плату. Голодающим было выдано 222 млн порций, под руководством священников и учителей только в Поволжье было открыто более 7 тыс. столовых при школах, где детям выдали 24 млн обедов. В целом кампания была проведена на очень высоком уровне – и интересно, что государство, оба раза имея в руках полный контроль над ситуацией (1901 и 1911 гг.), сумело не допустить голодной смертности. К тому же прогресс сельского хозяйства обусловил более высокий урожай всех иных сельскохозяйственных культур, что вкупе с широкомасштабной государственной помощью помогло крестьянам без потерь пере-

жить тяжёлый период.

Таким образом, можно видеть, что государство к началу XX века сформировало целостную систему перераспределения продовольственных ресурсов, которая эффективно функционировала в периоды неурожая и при истощении в крестьянских хозяйствах собственных запасов хлеба. Кроме того, постоянно предпринимались дополнительные меры по поддержанию жителей поражённых неурожаем территорий. Активно участвовала в деле помощи пострадавшим общественность России, что вызвало широкое развитие благотворительности, формирование действенных структур оказания помощи населению. Всё это гарантировало население от голодной смерти, и смертей «от голода» удавалось после 1892 г. избежать даже при самых неблагоприятных условиях (вроде «революционной ситуации» середины 1900-х).

С 1901 г. российским таможенным ведомством в статистические отчеты о своей деятельности была введена новая графа: «Привоз автомобилей и их частей». Всего за год в Россию было ввезено 40 автомобилей и 7 мотоциклов на общую сумму 43 тыс. рублей. В 1905 г. эта цифра составляла 105 автомобилей, а в 1908 г. уже 1365 машин на сумму 3 млн 256 тыс. руб. Увеличению ввоза способствовала чрезвычайно низкая таможенная пошлина – в пределах 5 % от стоимости автомобиля. В Петербурге на 1 августа 1913 г. было зарегистрировано 2036 частных автомобилей, 328 таксомоторов и 221 казенный автомобиль, что составляло около 20 %

всей численности автомобильного парка России.

При Николае II правительство строило свою политику не только на бездефицитных бюджетах, но и на принципе значительного накопления золотого запаса. Несмотря на это, государственные доходы с 1 млн 410 тыс. рублей в 1897 г., без малейшего увеличения налогового бремени, неуклонно росли, тогда как расходы государства оставались примерно на одном и том же уровне. За последние 10 лет до Первой мировой войны превышение государственных доходов над расходами выразилось в сумме 2 млн 400 тыс. рублей. Эта цифра представляется тем более внушительной, что в царствование Императора Николая II были понижены железнодорожные тарифы и отменены выкупные платежи за земли, отошедшие в 1861 г. к крестьянам от их бывших помещиков, а в 1914 г., с началом войны, и все виды питейных налогов. Бремя прямых налогов в России было почти в четыре раза меньше, чем во Франции, более чем в 4 раза меньше, чем в Германии, и в 8,5 раза меньше, чем в Англии. Бремя же косвенных налогов в России было в среднем вдвое меньше, чем в Австрии, Франции, Германии и Англии.

В 1914 г. в Государственной сберегательной кассе было вкладов на 2 млн 236 рублей. Сумма вкладов и собственных капиталов в мелких кредитных учреждениях (на кооперативных началах) составляла в 1894 г. около 70 млн рублей; в 1913 г. – около 620 млн рублей (увеличение на 800 %), а к 1 января 1917 г. – 1 млрд 200 млн рублей.

Темпы экономического и культурного развития страны, структурные изменения в народном хозяйстве казались столь впечатляющими, что председатель синдикальной палаты парижских биржевых маклеров М. Вернайль, приехавший летом 1913 г. в Петербург для выяснения условий предоставления России очередного займа, предсказывал неизбежный, как ему казалось, в течение ближайших 30 лет громадный подъем российской промышленности, который можно будет сравнивать с колоссальными сдвигами в экономике США в последней трети XIX в.

Французский экономический обозреватель Э. Тэри утверждал: *«Если у большинства европейских народов дела пойдут таким же образом между 1912 и 1950 годами, как они шли между 1900 и 1912, то к середине настоящего столетия Россия будет доминировать в Европе как в политическом, так и в экономическом и финансовом отношении»*^[231].

Профессор Берлинской сельскохозяйственной академии Отто Аухаген, обследовавший в 1912–1913 гг. ряд губерний Центральной России на предмет изучения хода аграрной реформы, завершал свой анализ так: *«Я заканчиваю изложение своего мнения о вероятном успехе предпринятого правительством дела, соглашаясь с мнением выдающегося сельского хозяина, уроженца Швейцарии, управляющего около 40 лет одним из крупнейших имений России в Харьковской губернии, о том, что ещё 25 лет мира и 25 лет землеустройства – тогда Россия делается другой страной»*^[232].

В представленной Правительству 12 июля 1914 г. «Докладной записке Совета съездов представителей промышленности и торговли о мерах к развитию производительных сил России и улучшению торгового баланса» говорилось: «В сельском хозяйстве, в самой системе землепользования начался громадный переворот, результаты которого пока еще только намечаются, но не поддаются учету. В промышленности, после целого ряда лет кризиса и застоя, начался сильный подъем и оживление.

После почти десятилетнего застоя, или, во всяком случае, слабого развития промышленности и торговли, Россия в 1910–1911 гг. быстро вступила в период экономического подъема как под влиянием благоприятного урожая двух лет подряд, так и вследствие начавшихся в этих годах громадных правительственных ассигновок на флот, на военные потребности, на портостроительство, на иллюзование некоторых рек, постройку элеваторов и на усиление железнодорожного строительства; одновременно проявились усиление строительства в городах, увеличение машиностроения и пр.

Города растут у нас с поистине американской быстротой. Целый ряд железнодорожных станций, фабричных и заводских поселков, особенно на юге, обратился в крупные центры городской – по всему своему складу и запросам – культуры. Естественный в известные периоды экономического развития процесс концентрации населения, в силу про-

исходящих сейчас коренных изменений в жизни сельскохозяйственного населения России, пойдет, несомненно, с возрастающей быстротой и лет через 20–30 мы увидим, быть может, картину самых крупных в этой области перемен»^[233].

Постоянно рос жизненный уровень населения

ПЛАТА РАБОЧИМ (коп.)		
Землекоп	1 день	150
Каменщик	1 день	197,5
Кузнец	1 день	226
Плотник	1 день	187,5
Слесарь	1 день	263
Столяр	1 день	234,5
Токарь	1 день	250
Чернорабочий	1 день	124

Средние цены на основные продукты в Петербурге в 1913 г.

Название товара	Мера или вес	Средняя цена в 1913 г. в коп.
Мясо 1 сорт	пуд (16,38 кг)	938
Мясо 2 сорт	пуд	818
Сметана	пуд	738,5
Яйцо	десяток	30
Яблоки	пуд	365
Лещ живой	пуд	1299
Щука живая	пуд	1327
Кура 1 сорт	пара	193,5
Картофель	четверть (9,3 пуда)	70,5
Капуста свеж.	кочан	18,5
Лук репчатый	четверть	101
Хлеб ржаной	фунт (409,5 гр)	3
Хлеб ситный	фунт	5
Масло сливочное чухонское	пуд	1525
Масло русское	пуд	1663

Средняя зарплата в Российской Империи у работников фабрик и заводов и служащих младших чинов с 1880 по 1913 г. увеличилась с 16 до 24 руб. в месяц. Внешне эта цифра довольно маленькая по сравнению со средними зарплатами в других развитых европейских странах за аналогичный период. Для удобства сравнения зарплат все данные приведены в рублях по золотому паритету обмена валют того времени. Например, в Италии средняя зарплата на производстве и у государственных служащих низких чинов увеличилась с 19 до 32 руб. в месяц, в Австро-Венгрии – с 28 до

44 руб., во Франции – с 30 до 41 руб., Германии – с 42 до 57 руб., в Англии – с 47 до 61 руб., в США – с 63 до 112 руб. Но не надо забывать дешевизну продуктов и товаров собственного производства в Царской России по сравнению с указанными странами.

Примерно похожая ситуация наблюдается и в изменении годового дохода на душу населения за период с 1894 по 1913 г. В России прирост национального годового дохода на единицу населения страны увеличился с 67 до 101 руб. В Японии прирост составил с 24 до 60 руб., в Италии со 104 до 230 руб., в Австро-Венгрии – со 127 до 227 руб., во Франции – с 233 до 355 руб., в Германии – с 184 до 292 руб., в Англии – с 273 до 463 руб., в США – с 290 до 545 руб.

Самой малооплачиваемой частью наёмных работников в России являлась прислуга, которая получала в месяц: от 3 до 5 руб. женская и от 5 до 10 руб. мужская. Но наниматель, помимо денежного довольствия, предоставлял слугам бесплатно крышу над головой, питание и, как правило, ещё и одежду. Очень часто эта профессия была наследственной.

Из служащих самые маленькие оклады в начале XX в. были у младших чинов государственных служащих – в размере 20 руб. в месяц. Столько же получали простые служащие почты, земские учителя младших классов, помощники аптекарей, санитары, библиотекари и т. д. Гораздо больше получали врачи, например, в земских больницах у них было жалование 80 руб., у фельдшеров 35 руб., а заведующий больни-

цей получал 125 руб. в месяц. В маленьких сельских больницах, где в штате был всего один фельдшер, то он получал зарплату 55 руб. Учителя старших классов в женских и мужских гимназиях получали от 80 до 100 руб. в месяц. Начальники почтовых, железнодорожных, пароходных станций в крупных городах имели месячные оклады от 150 до 300 руб. Депутаты Государственной думы получали жалованье в размере 350 руб., губернаторы имели оклады около одной тысячи рублей, а министры и высшие чиновники, члены Государственного Совета – 1500 руб. в месяц.

Тарифы за проезд в поезде не повышались в течение 10 лет перед 1913 г., а если взять динамику с 1885 г., то даже снижались: начиная с 1894 г., тарифы снизились на 20 %.

Россия все более становилась богатым, сытым и процветающим государством. Исторические факты упорно свидетельствуют, что русский народ никогда, ни до, ни после, в своем большинстве не жил лучше и богаче, чем при Императоре Николае Александровиче.

Однако возникает вопрос: если вышеприведенное утверждение верно, то в чем же были причины социального недовольства, сыгравшего немалую роль в успехе революции? Весьма глубокое замечание по этому поводу принадлежит доктору ист. наук Б. Н. Миронову: *«Русские революции не имели объективных предпосылок с точки зрения марксистско-ленинской теории; они являлись в первую очередь политическим и культурным переворотом; их причины надо ис-*

катель не в провале, а в успехах модернизации, в трудностях перехода от традиции к модерну, в политических практиках, в особенностях политического дискурса»^[234].

Глава 3. Боснийский кризис

Две балканские провинции, Босния и Герцеговина, с 1482 г. входили в состав Османской империи. Они были населены в основном боснийцами, сербами и хорватами. После того как Османская империя потерпела поражение в войне с Россией 1877–1878 гг., встал вопрос о будущем её владений на Балканах. Берлинский конгресс признал за Австро-Венгрией право оккупировать Боснию и Герцеговину. В главе XXV трактата говорилось: *«Провинции Босния и Герцеговина будут заняты и управляемы Австро-Венгрией»*^[235], хотя формально они по-прежнему считались владениями султана. В 1897 г., когда Петербург и Вена договаривались о дальнейшем сохранении *status quo* на Балканах, австрийский министр иностранных дел граф Агенор Голуховский пытался склонить Петербург к следующей формулировке: *«Вопрос об обладании Боснией, Герцеговиной и Новобазарским санджаком не может быть предметом какого-либо спора, причём правительство Его Императорского и Апостолического Величества сохраняет за собой право оккупации и содержания гарнизонов – право аннексии»*^[236].

Однако министр иностранных дел граф М. Н. Муравьёв выразил несогласие русского Правительства с этими намерениями и заявил австрийской стороне, что *«аннексия этих двух провинций подняла бы более широкую проблему, кото-*

рая потребует специального рассмотрения в надлежащее время и в надлежащем месте»^[237].

В начале XX в. в руководстве Австро-Венгрии сложилась группа сторонников активизации политики на Балканах. Присоединение Боснии и Герцеговины представлялось этой группе важным шагом по пути укрепления власти императора, создания противовеса венграм за счёт славянского населения, превращения Австро-Венгрии в ведущую силу на Балканах. К 1907 г. политическое влияние сторонников аннексии Боснии и Герцеговины резко возросло. Главной движущей силой в этом вопросе в 1908 г. стал министр иностранных дел барон Алоиз фон Эренталь. Военный агент в Вене полковник М. К. Марченко сообщал, что в *«основу решимости провести аннексию легло непоколебимое убеждение барона Эренталья, что Россия, не оправившаяся ещё после Японской войны и внутренних волнений, не окажет серьёзного сопротивления, и согласится на соучастие при условии получения тех или иных гарантий»*^[238].

Кроме того, в Вене понимали, что ослабленная потрясениями Турция не сможет препятствовать аннексии. С другой стороны, нужно было спешить, так как Стамбул мог позвать на помощь Лондон, что серьёзно осложнило бы реализацию австро-венгерских устремлений. Таким образом, план Эренталья сводился к возможно быстрой безнаказанной аннексии Боснии и Герцеговины. России в обмен на поддержку этой аннексии австрийцы были готовы дать обещание ока-

зять помощь в обладании Проливами и Константинополем. В Хофбурге^[239] были убеждены, что Берлин поддержит его в вопросе аннексии всей своей мощью, а поэтому там действовали в заданном направлении уверенно и спокойно. Эренталь рассчитывал представить аннексию Боснии и Герцеговины осуществлённой якобы с позволения России, что, по его мнению, скомпрометировало бы её в глазах всего южно-славянства и подорвало бы её влияние на Балканах^[240].

С началом нового, 1908 г. Вена начала приводить в действие свои экспансионистские планы. 14 января Эренталь поручил послу в Константинополе поднять вопрос об австрийской концессии на постройку железной дороги через Новобазарский санджак. Эта османская провинция отделяла Сербию от Черногории. Согласно Берлинскому трактату, Австрия могла держать там небольшие гарнизоны. Железная дорога, в случае её строительства, создавала прямой путь для Австро-Венгрии до Салоник и укрепляла связь Центральных держав с Турцией, что было прямым нарушением русско-австрийских договорённостей 1897 г.^[241]

15 февраля 1908 г. Николай II принял австро-венгерского посла графа Леопольда фон Берхтольда и заявил ему, что он ценит дружбу с императором Францем Иосифом, и, хотя политика сотрудничества с Австрией никогда не была популярной в России, он готов продолжить её. Правда, заметил Царь, эту задачу *«ему весьма затрудняют»* (Николай II имел в виду высказывания Эренталя)^[242].

19 июня/2 июля 1908 г. Извольский написал Эренталю записку, в которой заявил о готовности обсудить в «дружественном духе» вопрос об аннексии Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины в обмен на признание Константинополя и Проливов сферой интересов России, правда, оговорившись, что оба вопроса имеют европейский характер и не могут быть решены соглашениями между двумя империями^[243].

6/19 августа 1908 г. на совещании под председательством императора Франца Иосифа было принято решение совершить аннексию в ближайшее время. Опасения престарелого императора о возможной конфронтации с Россией поспешил развеять Эренталь, заверивший, что он сможет с ней договориться.

Чтобы прояснить ситуацию, Николай II поручил А. П. Извольскому вступить в переговоры с Эренталем^[244]. При этом, однако, Государь не уполномочивал своего министра вести переговоры по поводу возможной аннексии. Николай II вообще не упоминал о ней в разговоре с Извольским.

Однако А. П. Извольский и его давний приятель товарищ министра иностранных дел Н. В. Чарыков решили использовать появившуюся возможность для далеко идущей дипломатической комбинации. Не ставя предварительно в известность ни Государя, ни Совет министров, они думали в обмен на признание Петербургом аннексии Боснии и Герцеговины добиться от Вены признания особых прав России в Проливах. Извольский и Чарыков исходили из того, что вопрос об

аннексии австрийским правительством решён, а потому противостоять ему бесполезно, учитывая, что за Австрией стоит Германия.

В августе 1908 г. Извольский отправился в своё обычное «осеннее» турне по Европе. Эренталь пригласил русского министра посетить Бухлау, где находился его загородный особняк^[245]. Там 2/16 сентября 1908 г. австрийский министр подтвердил, что аннексия Боснии и Герцеговины может быть провозглашена уже в начале октября. Эренталь заверил, что Извольский будет им *«своевременно предупреждён об этом»*. Попытки Извольского добиться компенсаций для Сербии^[246] были отклонены Эренталем, так же как и требование русского министра поставить вопрос о созыве международной конференции для оформления намеченного пересмотра Берлинского трактата. Единственное, на что согласился Эренталь, это, не дожидаясь распада Османской империи, принять формулу России относительно Проливов, по которой все русские суда, включая военные, могли проходить через них, а на проход военных кораблей других государств продолжал бы действовать запрет.

На этом, собственно, встреча закончилась. Её результаты не были официально зафиксированы. Извольский утверждал позднее, что в Бухлау состоялось соглашение: Австро-Венгрия получала провинции, Россия – пересмотр вопроса о Дарданеллах. Эренталь в свою очередь это опровергал и утверждал, что никакого соглашения в Бухлау не было.

Формально он был прав. Как пишет А. В. Игнатъев, *«собеседники предпочли ограничиться неофициальным джентльменским соглашением, что оставляло каждому определённую свободу трактовки»*^[247]. Сторонами не были уточнены ни сроки аннексии, ни время выдвижения Россией вопроса о пересмотре статуса Проливов, ни процедура оформления предполагаемых изменений в Берлинском трактате. Не был в достаточной мере соблюден баланс интересов в части компенсаций^[248]. О договорённости не было сообщено ни Императору Николаю II, ни председателю Совета министров П. А. Столыпину.

Извольский активно использовал поддержку своих действий со стороны представителей думской оппозиции, в частности А. И. Гучкова. Министр писал Чарыкову: *«...ещё раз с особенной настойчивостью считаю долгом обратить ваше внимание на необходимость подготовить общественное мнение и печать. Необходимо воздействовать не только на “Новое время”, но и на другие органы. Хорошо бы переговорить с Гучковым, и, если возможно, то и с Милюковым, который только что был на Балканском полуострове»*^[249]. Чарыков сообщил Извольскому в Париж 20 сентября: *«Гучков, ознакомленный мною с сущностью дела, обещает полную поддержку своей фракции. Печать в достаточной мере в наших руках»*^[250].

В связи с этим нельзя исключать, что усилия Извольского были заодно с либеральной думской оппозицией, которая в

случае успеха авантюры с Проливами присвоила бы все лавры себе. Не могут не настораживать и контакты Извольского с Гучковым. Именно в это время Гучков установил тесные связи с захватившими власть в Стамбуле младотурками, у которых он перенимал «революционный опыт». *«Посетив Турцию, – говорилось в секретном сообщении Охранного отделения, – после прошедшего там государственного переворота, Гучков решил последовать примеру “младотурок”, которые, по словам Гучкова, являются теми же октябристами»*^[251]. Гучкову, как и Извольскому, всегда был нужен успех любой ценой. Кто знает, не закладывались ли тогда связи Гучкова не только с военными, но и с дипломатами? Связи, сыгравшие немалую роль в феврале 1917 г.

Между тем авантюру Извольского во время его европейского турне ждал полный крах. Извольский стремился получить от других держав такое же согласие на изменение режима Проливов, какого он добился от Эренталья. 13/26 сентября в Берхтесгадене русский министр встретился со статс-секретарём иностранных дел Вильгельмом фон Шёном, которого пытался убедить в изменении статуса Проливов для России. В ответ Шён в малообязывающих выражениях дал понять Извольскому, что Германия не будет против этого возражать, но в свою очередь потребует компенсаций^[252].

В Италии, куда Извольский прибыл 16/29 сентября, его, казалось бы, ждал успех: министр иностранных дел Томазо Титтони к плану Извольского отнесся положительно, заявив,

что в обмен на это Россия даст своё согласие на захват Италией Триполи.

Между тем 16/29 сентября император Франц Иосиф, зная о состоявшейся в Бухлау договорённости, направил Николаю II письмо, в котором сообщал, что *«повелевающая необходимость общего положения»* заставляют его *«приступить к аннексии Боснии и Герцеговины»*. Австрийский император выражал уверенность, что Николай II благожелательно отнесётся к той мере, *«которая нам внушается необходимостью и которую предвидели и приняли без возражений Твои покойные Отец и Дед»*^[253]. Примечательно, что Франц Иосиф ни словом не обмолвился о состоявшемся соглашении Извольского с Эренталем.

Между тем 19 сентября/2 октября Н. В. Чарыков сообщил о результатах встречи в Бухлау П. А. Столыпину. Тот был крайне возмущён, что Извольский ведёт переговоры втайне от Правительства. Кроме того, Столыпин был категорически не согласен с затеянными Извольским торгами о компенсациях^[254]. Совершенно неожиданно Чарыков поддержал Столыпина и выступил против линии Извольского, которую же совместно с ним и готовил. Позже Чарыков объяснял перемену своих взглядов тем, что он боялся отставки Столыпина, которая почему-то в его представлении была неминуема, если бы позиция Извольского была бы поддержана Государем. А в случае отставки главы Совета министров, писал Чарыков, произошла бы неотвратимая *«победа реакции»*^[255]. Эти

лукавые объяснения не имели под собой, разумеется, никаких оснований.

21 сентября Н. В. Чарыков доложил Государю о результатах встречи в Бухлау. Со слов Чарыкова, Николай II был чрезвычайно доволен итогами переговоров. Он якобы принял точку зрения Извольского и заметил, что, в случае изменения режима Проливов в пользу России, «...*нечего хлопотать о Константинополе*», и добавил, что успешное решение было бы «*решением векового вопроса*»^[256].

Однако имеются сведения о совершенно иной реакции Николая II на переговоры в Бухлау и о его неосведомлённости о действиях Извольского. В. Н. Коковцов вспоминал, что в октябре 1908 г. П. А. Столыпин сообщил ему, что «*имел длинный разговор с Государем и узнал от него, что никаких полномочий он Извольскому не давал, да тот их и не спрашивал*». При этом Николай II был «*глубоко возмущён этим инцидентом и прямо сказал Столыпину, что ему просто не хочется верить, чтобы Извольский мог сыграть такую недопустимую роль, которою он поставил и себя, и Государя в совершенно безвыходное положение, так как, если даже оправдается версия, что он обусловил наше согласие содействием нам Австрии в разрешении в нашу пользу вопроса о проливах, то всё же мы останемся в самом невыгодном для нас положении: всякий просто скажет, что мы помогли Австрии вытащить каштаны из печки без всякой для нас пользы, так как для всех ясно, что никакой реаль-*

ной помощи мы от Австрии не получим, да и не от нее зависит разрешение такого “Мирового вопроса”. Столыпин сказал мне, что Государь два раза отметил, что ему, в особенности, противно, что всякий скажет, что русский министр получил от своего Государя полномочие без всякой надобности обещать нашу помощь Австрии в присоединении Боснии и Герцеговины, когда это дело всех подписавших Берлинский трактат, и мы должны быть последними, кто мог бы брать на себя какое-либо решающее участие в таком деле»^[257].

В данном случае не верить В. Н. Коковцову у нас нет никаких оснований в связи с его полной незаинтересованностью в вопросе. О своей неосведомленности о соглашении Извольского – Эренталья Николай II писал в письме к кайзеру от 15 декабря 1908 г.: *«Извольский не успел мне сообщить об этом деле. Я был на “Штандарте» и ничего не знал о том, что должно произойти»*^[258].

Совершенно несерьёзными представляются умозаключения английского историка Алана Тэйлора, который считал, что Николай II отвернулся от Извольского из-за страха перед возможной отставкой П. А. Столыпина, которого, по Тэйлору, *«не интересовали Проливы»*, но *«очень беспокоили настроения славян»*, поэтому, дескать, *«он пригрозил отставкой, и Николаю II пришлось сделать вид, будто ему ничего не было известно о планах Извольского»*^[259]. Эти измышления опровергаются фактом встречи 21 сентября 1908 г. Им-

ператора Николая II и П. А. Столыпина в Царском Селе, в ходе которой последний посчитал, что действия Извольского недопустимы и рекомендовал Государю отозвать его из заграничного турне. Столыпин также предлагал не поддерживать аннексии Боснии и Герцеговины и обратиться к державам с предложением о созыве конференции по пересмотру Берлинского трактата. Для того чтобы не обидеть Османскую империю и балканские государства, Столыпин высказался за то, чтобы предусмотреть им компенсации^[260]. Николай II согласился со Столыпиным, и Извольскому было указано, что в случае аннексии Боснии и Герцеговины никаких переговоров с Австрией не вести, а заявить ей протест^[261]. Чарыков признавал, что *«проблема была улажена благодаря исключительно Императору»*^[262]. Одновременно Государь поручил Чарыкову подготовить развёрнутые соображения по русско-турецкому сближению. Таким образом, мы видим, что как только Государю стало известно о планах сговора Извольского с Эренталем, он этот сговор запретил. Тем не менее поездку Извольского в Париж Николай II решил не прерывать: нужно было максимально узнать позицию европейских держав, а кроме того, не создавать у них впечатления возможности своевольных действий Извольского.

23 сентября/6 октября Чарыков представил Государю проект созыва международной конференции по пересмотру Берлинского трактата. Он предусматривал значительные компенсации Османской империи за отторжение от неё двух

провинций: отмену ограничения суверенитета Турции в Македонии и в Малой Азии, прекращение выплаты России контрибуции за проигранную войну 1877–1878 гг. В обмен на это Стамбул должен был взять на себя обязательства не возражать против превращения Болгарии в независимое королевство, открыть Проливы для военного флота России и других черноморских стран при соблюдении безопасности турецкой территории. Намечались компенсации и для Сербии с Черногорией^[263].

Николай II одобрил представленный проект: если бы Стамбул поддержал инициативу России, то это было бы веским аргументом в диалоге с французами и англичанами.

Между тем прошло довольно много времени с момента получения Государем письма от австрийского императора, а он не спешил на него отвечать. Николай II объяснял это Чарыкову тем, что собирается *«зрело обдумать проект»* своего ответного письма, *«вдохновляясь мыслями, высказанными в разговоре с Вами и со Столыпиным 21 сентября»*^[264].

Однако, не отвечая Францу Иосифу, Государь руководствовался не только этим соображением. Через несколько дней после получения письма от австрийского императора Чарыков ознакомил Николая II с секретными документами, которые хранились в архиве МИД и касались Берлинского конгресса. Николай II сообщал Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне, что из этих бумаг, он *«узнал, что после бесконечных споров с Австрией, Россия согласилась на при-*

соединение Боснии и Герцеговины в будущем! И об этом же согласи данном тогда Анпапа¹ пишет мне старик император. Fichue position!!! Я получил его письмо две недели назад и до сих пор ещё не ответил. Ты понимаешь, какой это сюрприз и в каком неудобном положении мы очутились. Я никогда не думал, что существует такая секретная статья и ничего не слышал об этом от Гирса и Лобанова, при которых эти события происходили»^[265].

Строго говоря, секретная статья, о которой писал Николай II, относилась не к Берлинскому конгрессу, а к секретному дополнению к договору о «Союзе трёх императоров», подписанному 6/18 июня 1881 г. Его основные положения разрабатывались ещё при жизни Александра II, но подписан договор уже при Александре III. Статья 1 Приложения гласила: *«Австро-Венгрия сохраняет за собой право аннексировать Боснию и Герцеговину в момент, который она признает подходящим»^[266]*. В результате Царь вынужден был отказаться от ноты протеста Вене по поводу аннексии Боснии и Герцеговины.

Между тем 23 сентября/5 октября в Петербурге австро-венгерский посол сообщил о предстоящей «свободе действий» в Боснии и Герцеговине и передал памятную записку с предложением выступить совместно о признании Болгарии самостоятельным королевством^[267]. 24 сентября/7 октября вышел указ императора Франца Иосифа о присоеди-

¹ Император Александр II.

нении Боснии и Герцеговины. Николай II в послании Францу Иосифу указал, что это было сделано, *«предупредив нас всего лишь за 24 часа и не посчитавшись ни в малейшей степени с моими возражениями»*^[268].

Ночью 25 сентября/8 октября Николай II получил телеграмму от адмирала Ф. В. Дубасова, извещающую, что *«Босния и Герцеговина присоединены к Австрии, как имперские земли, с обещанием в будущем постепенно очистить Санджак. К сербской границе стянуты части VII, XV корпусов»*^[269]. Чуть ранее в Париже о состоявшейся аннексии из газет узнал и Извольский. Вена поставила весь мир перед совершившимся фактом. Одновременно пришло известие о провозглашении Болгарией независимости.

Между тем Извольского в Париже ждало новое горькое разочарование. Как сообщал посол А. И. Нелидов, Франция *«безучастно... взирает на международные события, когда она к ним непосредственно не причастна и когда не затронуты самые чувствительные для неё материальные интересы»*^[270]. А эти «материальные интересы» Парижа были связаны в тот момент гораздо больше с Австро-Венгрией, чем с Россией. Ещё во время Альхесирасской конференции Париж обещал поддержку Австро-Венгрии на Балканах в обмен на её поддержку в Марокко. По словам Б. М. Шапошникова: *«Новые столкновения в этом вопросе с Германией были не исключены»* и поэтому *«лишиться будущей поддержки Австро-Венгрии в споре с Берлином Франция не хотела»*^[271].

Президент Французской республики Арман Фальер отреагировал на аннексию Боснии и Герцеговины в самом сердечном тоне, а министр иностранных дел Стефан Пишон отнёсся к идее Извольского о международной конференции весьма скептически. Кроме того, во французских правящих кругах были недовольны сепаратными переговорами Извольского с Эренталем. Франция выступила за уважение суверенитета Турции и настоятельно советовала согласовать этот вопрос с Лондоном^[272].

Положение Извольского становилось весьма щекотливым. Он собирался ехать в Лондон, но Совет министров вновь требовал его возвращения в Петербург. 25 сентября Извольский писал Чарыкову: *«Благоволите доложить Государю, что отказ мой от поездки в Лондон, где в воскресенье у короля назначен в мою честь официальный обед и где меня ожидают с нетерпением для установления соглашения о созыве конференции и её программе, мог бы произвести нежелательное впечатление, вызвав превратное толкование, особенно опасное при настоящих критических обстоятельствах. Ввиду милостивой резолюции Его Императорского Величества, решаюсь ехать в пятницу в Лондон, и затем в кратчайший, по возможности, срок, вероятно прямо в Париж, Берлин, Петербург»*^[273].

Государь полагал, что Извольский должен довести начатое дело до логического завершения. Кроме того, отказ от поездки в Англию, после всего происшедшего, действитель-

но выглядел бы недружественным шагом. Поэтому Николай II разрешил Извольскому ехать в Лондон. Там министр встретился с тем же нежеланием помочь России, что и во Франции. Извольский попытался воздействовать на английское правительство угрозой омрачения дружественных отношений, с таким трудом намеченных во время Ревельской встречи русского и английского монархов. Выступая перед британским кабинетом, Э. Грей сообщил, что *«Извольский заявил, что настоящий момент является наиболее критическим – он может укрепить и усилить добрые отношения между Англией и Россией или разорвать их совершенно»*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Греков Н. В. Русская контрразведка в 1905–1917 гг.: шпиономания и реальные проблемы. М.: МОНФ, 2000. С. 46.

2.

Астафьев И. И. Указ. соч. С. 12.

3.

Лотман Герберт Р. Ротшильды – короли банкиров. Мн. – Смоленск, 1997. С. 125–126.

4.

Коковцов В. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 116.

5.

Там же. С. 119.

6.

Там же. С. 127.

7.

Там же. С. 127.

8.

Там же. С. 122.

9.

Там же. С. 123.

10.

Там же. С. 125.

11.

Русские финансы и европейская биржа в 1904–1906 гг. М.–Л., 1926. С. 271.

12.

Ананьич Б. В. Россия и международный капитал. 1897–1914. Очерки истории финансовых отношений. Л., 1970. С. 159.

13.

Коковцов В. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 128.

14.

Там же. С. 128.

15.

Астафьев И. И. Указ. соч. С. 31.

16.

Коковцов В. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 143.

17.

Тарле Е. В. Европа в эпоху империализма. М.: Изд-во Академии наук, 1958. С. 213.

18.

Астафьев И. И. Русско-германские дипломатические отношения. 1905–1911 гг. (От Портсмутского мира до Потсдамского соглашения). М.: Изд-во Московского ун-та, 1972. С. 35.

19.

Астафьев И. И. Указ. соч. С. 35.

20.

M. Rouvier à M. Bompard. Le 8 février 1906. // DDF. 9-série. V. 1. № 142.

21.

M. Bompard à M. Rouvier. Le 10 février 1906. // DDF. 9-série. V. 1. № 142.

22.

Астафьев И. И. Указ. соч. С. 36.

23.

Там же. С. 36.

24.

Там же. С. 36.

25.

Н. Д. Остен-Сакен – В. Н. Ламздорфу. 28 января 1906 г. // Красный архив. Исторический журнал. М., 1930. Т. 4–5 (41–42). С. 21.

26.

Извольский А. П. Указ. соч. С. 58.

27.

В. Н. Ламздорф – Н. Д. Остен-Сакену 7 февраля 1906 г. // ГА РФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 85. Л. 1.

28.

Там же. Л. 1–2.

29.

Там же. Л. 2.

30.

M. Bompard à M. Rouvier. Le 9/22 février 1906. // DDF. 9-

31.

Там же.

32.

Остальцева А. Ф. Указ. соч. С. 95.

33.

Остальцева А. Ф. Указ. соч. С. 95.

34.

Там же. С. 95–96.

35.

Извольский А. П. Указ. соч. С. 27.

36.

Там же. С. 27.

37.

B. von Bülow am Kaiser Wilhelm II // Die Große Politik. BD. XXI. I. 728.

38.

Остальцева А. Ф. Указ. соч. С. 156–157.

39.

М. Бомпар – графу В. Н. Ламздорфу. 9 апреля/27 мая 1906. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 341. Л. 74 [на фр. яз.].

40.

Коковцов В. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 154.

41.

Там же. С. 155.

42.

Gorki Maxim. Pas un sou au Gouvernement Russe! // L'Humanité. Journal Socialiste Quotidien. Lundi, 9 avril 1906.

43.

Коковцов В. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 162.

44.

Греков Н. В. Указ. соч. С. 26.

45.

Генерал Ф. Ф. Палицын – А. П. Извольскому. 22 сентября 1906 г. // АВП РИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1179. Л. 119.

46.

Греков Н. В. Указ. соч. С. 50.

47.

Sir Arthur Nicolson to Sir Edward Grey // British Documents. V. III. 209.

48.

Баиов А. К. Истоки великой мировой драмы и её режиссёры. Таллин – Ревель, 1927. С. 49.

49.

Остальцева А. Ф. Англо-русское соглашение 1907 года. Влияние Русско-японской войны и революции 1905–1907 гг. на внешнюю политику царизма и на перегруппировку европейских держав. Саратов: Изд. Саратов. ун-та, 1977. С. 162.

50.

АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия министра. Д. 98. Л. 70.

51.

Баиов А. К. Указ. соч. С. 10.

52.

Там же. С. 11.

53.

Memorandum of Sir Edward Grey. 20.02.1906 // British Documents. V. III. 209.

54.

Туполев Б. М. Происхождение Первой мировой войны // Новая и новейшая история, № 4, 2002.

55.

Журнал совещания 7 сентября 1906 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 86. Л. 1.

56.

Сборник договоров России с другими государствами (1856–1917). С. 388.

57.

Мировые войны XX века. Книга 2. Первая мировая война. Документы и материалы. М., 2002. С. 19–24.

58.

Данилов О. Ю. Указ. соч. С. 86.

59.

Лунёва Ю. В. Босфор и Дарданеллы. Тайные провокации накануне Первой мировой войны. (1907–1914). М.:

Квадрига, 2010. С. 17.

60.

Цит. по: Свет и тени Великой войны. Первая мировая в документах эпохи / Сост.: Репников А. В., Рудая Е. Н., Иванов А.А. М.: РОССПЭН, 2014. С. 394.

61.

Русские масоны в эмиграции. Париж, 1942. С. 5.

62.

Игнатъев А. В. Указ. соч. С. 63.

63.

Данилов О. Ю. Указ. соч. С. 78.

64.

Генерал П.Ф. Унтерберг – Императору Николаю II. 23 февраля 1907 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 750. Л. 12.

65.

Там же. Л. 19.

66.

Данилов О. Ю. Указ. соч. С. 99.

67.

Игнатъев А. В. Указ. соч. С. 65.

68.

Данилов О. Ю. Указ. соч. С. 91.

69.

Граф И. Л. Татищев – Императору Николаю II. 20 февраля/4 марта 1908 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 746 (1). Л. 11–13.

70.

Parliamentary Debates. Ser. IV. Vol. 190. P. 259.

71.

Всеподданнейший доклад А. П. Извольского от 3 июня 1908 г. // АВПРИ. Ф. 138 Секретный архив министра. Оп. 467. Д. 275/276. Л. 13–16.

72.

Копия с весьма секретного письма военного агента в Лондоне Н.С. Ермолова – А.З. Мышлаевскому от 15 (28) апреля 1909 г. // РГВИА Ф. 2000. Оп. 1. Д. 912. Л. 259.

73.

Граф И.Л. Татищев – Императору Николаю II 26 марта/8 апреля 1906 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 746 (1). Л. 3.

74.

Шилов С.П. Военно-морская политика кайзеровской Германии и Россия: 1897–1914 гг. // Дисс. ... д. ист. н. Тюмень, 2004. С. 43.

75.

Данилов О.Ю. Указ. соч. С. 84.

76.

Там же. С. 88.

77.

Граф И.Л. Татищев – Императору Николаю II // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 746 (1). Л. 5.

78.

Астафьев И.И. Указ. соч. С. 130.

79.

Уткин А.И. Указ. соч. С. 71.

80.

Die Große Politik. Bd. 22. № 7374.

81.

Астафьев И.И. Указ. соч. С. 84.

82.

Там же. С. 85.

83.

Игнатьев А.В. Указ. соч. С. 60.

84.

Там же. С. 60.

85.

O. von Mülberg am B. von Bülow // Die Große Politik. Bd. 22. № 7375.

86.

Всеподданнейшая записка А.П. Извольского Императору Николаю II 31 июля 1907 г. // АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия министра. 1907 г. Д. 42. Л. 205.

87.

Фейгина Л. Указ. соч. С. 92.

88.

Русское слово. 25 июля 1907 г.

89.

В.Н. Ламздорф – А.К. Бенкендорфу. 8 сентября 1905 г. // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1179. Л. 4.

90.

Правительственный вестник. 3/16 июня 1907 г.

91.

Всеподданнейшая записка С.Д. Сазонова. 19 мая 1912 г. // ГА РФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 67. Л. 1.

92.

Марков О.Д. Русская армия 1914–1917 гг. СПб., 2001. С. 77.

93.

Астафьев И.И. Указ. соч. С. 90.

94.

Витте С.Ю. Указ. соч. Т. 1. С. 75, 77.

95.

Столыпин П.А. Полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном Совете. 1906–1911. Нам нужна великая Россия... М.: Молодая гвардия, 1991. С. 121.

96.

Куликов С.В. Указ. соч. С. 45.

97.

Струков Д. Столыпин. На пути к Великой России. М.: Вече, 2012. С. 93.

98.

Крыжановский С.Е. Воспоминания: из бумаг С.Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи / Рос. нац. б-ка; [Подгот. текста, вступ. ст., коммент.: А.В. Лихоманов]. СПб.: Рос. нац. б-ка, 2009.

99.

Цит. по: Куликов С.В. Указ. соч. С. 50.

100.

Солоневич И.Л. Великая фальшивка февраля. С. 21.

101.

Струков Д. Указ. соч. С. 96.

102.

Там же. С. 96–97.

103.

Куликов С.В. Указ. соч. С. 47.

104.

Цит. по: Куликов С.В. Указ. соч. С. 47.

105.

Там же. С. 47.

106.

Там же.

107.

Высочайший манифест 11 августа 1904 г. // Нива, 1904.

108.

Рескрипт Императора Николая II о необходимости издания Манифеста о земельном устройстве крестьянства. 31 октября 1905 г. // ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 506. Л. 2-3.

109.

Струков Д.Б. Указ. соч. С. 101.

110.

Рескрипт Императора Николая II на имя П.А. Столыпина.

111.

Куликов С.В. Указ. соч. С. 48.

112.

Пушкарев С.Г. Обзор русской истории //Кавказский край, 1993. С. 356.

113.

Пушкарев С.Г. Указ. соч. С. 357.

114.

Чересполосица – поземельное владение, при котором земли одного владельца находятся не в одном отрубе или меже, а разбросаны по разным местам среди других владений и не представляют хозяйственного целого.

115.

Трёхполье – система севооборота чередованием пара, озимых и яровых культур. Применялось в крестьянских хозяйствах с древнейших времён. На смену трёхполью пришло многополье, более эффективная форма рациональной организация земледелия.

116.

П.А. Столыпин. Грани таланта политика. М.: РОССПЭН, 2006. С. 68–74.

117.

Миронов Б.Н. Социальная история России периода Империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2-х т. СПб., 2003. Т. 1. С. 480–481.

118.

Пётр Аркадьевич Столыпин. Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. С. 35.

119.

Миронов Б.Н. Социальная история России. С. 482.

120.

Цит. по: Куликов С.В. Указ. соч. С. 48–50.

121.

Вырубова А.А. Указ. соч. С. 193.

122.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXVI. Отд. 1. 1906 г. СПб.: Государственная типография, 1909 г. № 28392. С. 891–893.

123.

Там же. С. 891.

124.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXVI. Отд. 1. 1906 г. СПб.: Государственная типография, 1909 г. № 28528. С. 970.

125.

Там же.

126.

Гизей Ю.Ю. Школьное строительство в переселенческих районах в 1906–1913 гг. (на примере Томского переселенческого района) // Вестник Кемеровского государственного университета. № 3, 2012. С. 51.

127.

Рогачевская М.А. П.А. Столыпин: аграрная реформа и Сибирь // ЭКО. 2002. № 9. С. 140–168.

128.

Цит. по: Струков Д.Б. Указ. соч. С. 134.

129.

Там же.

130.

ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 753. Л. 1–10.

131.

Авдеенко Н.М. Заселение и хозяйственное освоение территории района во второй половине XIX – начале XX века // Ключевской район: история и современность. Барнаул, 2002. С. 47.

132.

Белянин Д.Н. Столыпинская переселенческая политика как национальный проект // Вестник Кузбасского государственного технического университета. № 1, 2008. С. 107.

133.

Там же.

134.

Там же.

135.

Рогачевская М.А. П.А. Столыпин: аграрная реформа и Сибирь // ЭКО. 2002. № 9. С. 150.

136.

Белянин Д.Н. Структура и характер деятельности переселенческих организаций в Сибири на рубеже XIX–

137.

Фридберг, город в Германии в земле Гессен (не путать с Фридбергом в Баварии). В 1910 г. врачи предписали Императрице Александре Феодоровне, страдающей расширением сердца, пройти курс лечения на знаменитом курорте Бад-Наугейм, расположенном неподалеку от Фридберга.

138.

Император Николай II – П.А. Столыпину 22 сентября 1910 // Красный архив. М., 1925. Т. 5 (30). С. 121.

139.

П.А. Столыпин – Императору Николаю II 26 сентября 1910 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1352. Л. 6.

140.

Тэри Эдмон. Россия в 1914 году. Экономический обзор. Париж: YMCA-PRESS, 1986. С. 32.

141.

Гизей Ю.Ю. Школьное строительство в переселенческих районах в 1906–1913 гг. (на примере Томского переселенческого района). С. 52.

142.

Пестржецкий Д. Русская промышленность после революции. Берлин: Русское универсальное издательство, 1921.

143.

Тэри Эдмон. Указ. соч. С. 5.

144.

Там же. С. 6.

145.

Там же. С. 33.

146.

Вишневский А.Г. Демографическая модернизация России. М.: Новое изд-во, 2006. С. 18.

147.

Новосельский С.А. Смертность и продолжительность жизни в России. Пг.: Типография Министерства внутренних дел, 1916. С. 159.

148.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание

третье. Т. XVII. № 13635. СПб., 1900. С. 12.

149.

РГИА. Ф. 1276. Оп. 20. Д. 75. Л. 42.

150.

Там же. Л. 32.

151.

Там же. Л. 35.

152.

О преобразовании врачебно-санитарной части в России //

РГИА. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 1144. Л. 140.

153.

Новосельский С.А. Смертность и продолжительность жизни в России.

154.

Россия накануне Первой мировой войны. Статистико-документальный справочник. М.: Самотека, 2008. С. 314.

155.

Вишневский А.Г. Указ. соч. С. 19.

156.

Соколов Д.А., Гребенщиков В.И. Смертность в России и борьба с нею. СПб., 1901. Следует сказать, что авторы брошюры, как и многие русские демографы, почему-то считали отдельно Венгрию и Австрию, Шотландию, Англию и Ирландию, хотя и первые, и вторые составляли в то время единые государства. Мы суммировали данные по ним.

157.

Новосельский С.А. Указ. соч. С. 178.

158.

К 1920 г. в городах, насчитывающих 20 000 человек и более, жило 64 % населения Англии, 40 % Германии и 37 % Франции, в противовес 15 % русских в 1913 г. (Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913). Статистические очерки. М.: Гос. стат. изд-во, 1956).

159.

Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913). Статистические очерки. М.: Гос. стат. изд-во, 1956. С. 194–195.

160.

Российский государственный архив экономики (далее РГАЭ) Ф. 1562. Оп. 33. Д. 2638. Л. 73.

161.

Детская смертность в Российской империи и СССР // URL:
Интернет: <http://ysnokoutellb.livejournal.com/375976.html>

162.

РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д.2638. Л. 73.

163.

Советские лекарства во время войны // URL:
Интернет: <http://gmpnews.ru/2010/05/sovetskie-lekarstva-vo-vremya-voyny/>

164.

Кваша Е.А. Младенческая смертность в России в XX веке // Социологические исследования. № 6. 2003. С. 47–55.

165.

Новосельский С.А. Указ. соч. С. 167.

166.

Первушин С.А. Опыт теории массового алкоголизма в связи с теорией потребностей. СПб., 1912.

167.

Ольденбург С.С. Царствование Императора Николая II. С.

232.

168.

Там же. С. 232.

169.

Общество трезвости на приходе / Рец. Слободчиков В.И., игумен Георгий (Шестун). Екатеринбург, 2009. С. 20.

170.

Мединский В.Р. О русском пьянстве, лени и жестокости. М.: Олма-Медиа-групп, 2008. С. 327–330.

171.

Всеподданнейший отчет Обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1914 г. Пг., 1916. С. 14.

172.

Введенский И.Н. Опыт принудительной трезвости. Екатеринбург, 2008. С. 17.

173.

Там же. С. 22.

174.

Штейфон Б. Русско-японская война // Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции. Российский военный сборник. М.: Русский путь, 1999. С. 69.

175.

Редигер А.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 435.

176.

Там же. С. 435.

177.

Керсновский А.А. Указ. соч. Т. 3. С. 140.

178.

Для сравнения: Германская империя – 808 тыс. 280 чел.; Французская республика (без колоний) – 606 тыс., Соединенное Королевство (без колоний) – 675 тыс., Австро-Венгерская империя – 392 тыс.

179.

Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX века. М.: Наука, 1986. С. 64.

180.

Там же. С. 64.

181.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXV. 1905 г. Отд. 1. № 26374. СПб., 1908. С. 439.

182.

Там же. С. 439.

183.

Керсновский А.А. История Русской Армии. М.: Голос, 1994. 4 т. Т. 3. С. 130.

184.

Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 65.

185.

Редигер А.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 281.

186.

Там же. С. 143.

187.

Леонов О., Ульянов И. Регулярная пехота. 1855–1918. М.: АСТ, 1998. С. 144.

188.

Деникин А.И. Путь русского офицера [Автобиография]. М.:

Современник, 1991. С. 90–91.

189.

Ходнев Д. Император Николай II – Державный вождь Российской армии // Николай II в воспоминаниях и свидетельствах. С. 125.

190.

Сухомлинов В.А. Указ. соч.

191.

Редигер А.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 228.

192.

Сухомлинов В.А. Указ. соч.

193.

ГА РФ 102 ДП ОО. 1917 Д. 307 ЛА. Л. 122. Следует отметить, что кроме Редигера в этом списке значились имена генерала А.Н. Куропаткина, генерала от инфантерии А.А. Поливанова, бывшего морского министра вице-адмирала С.А. Воеводского, генерала от инфантерии Н.В. Рузского, генерал-лейтенанта Пограничной стражи Е.И. Мартынова.

194.

Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. 2 т. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково Поле, 1999. Т. 2. С. 188.

195.

Там же. С. 280.

196.

Император Николай II – Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне 18 марта 1909 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2330. Л. 77.

197.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917 г. М.: Наука, 1991. С. 106.

198.

ГА РФ 102 ДП ОО. 1917 Д. 307 ЛА. Л. 130.

199.

Редигер А.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 285.

200.

Керсновский А.А. Указ. соч. Т. 3. С. 132.

201.

Сухомлинов В.А., Ржевский Б.М. Мы готовы // Биржевые ведомости, 27 февраля 1914.

202.

Яковлев В.В. История крепостей. М.: АСТ, 2000. С. 347.

203.

Шапошников Б.М. Указ. соч. С. 150.

204.

Яковлев Н.Н. 1 августа 1914. М.: Москвитянин, 1993. С. 124.

205.

Глинка В.М. Русский военный костюм XVIII – начала XX века. Л.: Художник РСФСР, 1988. С. 93.

206.

Мосолов А.А. Указ. соч. С. 84.

207.

Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М.: Новости, 1992. Т. 1. С. 154.

208.

Керсновский А.А. Указ. соч. Т. 3. С. 138.

209.

Санкт-Петербургские ведомости. № 113 (2023). 1999.

210.

Сулькин О. Сикорские // Итоги. № 18 (77). 2 мая 2011. С. 34.

211.

Головин Н.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 130.

212.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, п./т. 26. С. 885.

213.

Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX века. Очерки военно-экономического потенциала. М.: Наука, 1986. С. 24.

214.

Шапошников Б.М. Воспоминания. Военно-научные труды. М.: Воен. изд-во Мин. обороны СССР, 1983. С. 211.

215.

Керсновский А.А. Указ. соч. Т. 3. С. 166.

216.

Миронов Б.Н. Указ. соч. С. 226.

217.

Никонов В.А. Интервью для документального фильма «Николай II. Сорванный триумф».

218.

Менделеев Д.И. К познанию России.

219.

Пуля О. Гордость Российской энергетики // Энергетика сегодня. Июнь – июль 2009. С. 36.

220.

1 верста = 1,0668 км.

221.

Фадеев Г.М., Амелин С.В., Бернгард Ф.К. и др. История железнодорожного транспорта России. Т. 1: 1836–1917 гг. СПб.–М., 1994.

222.

Строительно-путейское дело в России XX века // УМК МПС. М., 2008.

223.

Бразоль Б.Л. Царствование Императора Николая II в цифрах и фактах. Нью-Йорк, 1959.

224.

Бразоль Б.Л. Указ. соч.

225.

Mitchel J. The History of Ireland from the Treaty of Limerik to the Present Time. London, 1869. V. 2, p. 244–247.

226.

Такого органа в Российской Империи попросту никогда не существовало.

227.

Круглов Владимир. Тема голодовок в Российской Империи (1890–1910-е гг.).

228.

Ермолов А.С. Наши неурожаи и продовольственный вопрос. В 2 ч. СПб., 1909.

229.

Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). Статистические очерки. М., 1956.

230.

Население России в XX веке. Исторические очерки. М.: РОССПЭН, 2001. Т. 1.

231.

Тэри Э. Указ. соч.

232.

Россия 1913 г. Статистико-документальный справочник. М.: ИРИ РАН, 1995. С. 32.

233.

Докладная записка Совета Съездов представителей промышленности и торговли о мерах к развитию производительных сил России и улучшению торгового баланса. Пг., 1914.

234.

Миронов Б.Н. Страсти по революции: Нравы в российской историографии в век информации. М., 2013. С. 556.

235.

Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917 гг. С. 193.

236.

Там же. С. 305.

237.

Там же. С. 307.

238.

Секретный доклад военного агента в Вене полковника М.К. Марченко // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 755. Л. 12.

239.

Зимняя резиденция Габсбургов в Вене.

240.

История дипломатии. Т. 2. С. 143.

241.

Ольденбург С.С. Царствование Императора Николая II. Т. 2. С. 36.

242.

Там же. С. 36.

243.

Зайончковский А.М. Подготовка России к мировой войне в международном отношении. Л., 1926. Приложение 6. С. 335–357.

244.

Император Николай II – императору Францу-Иосифу 17 декабря 1908 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1127. Цитируется по Красный архив. Исторический журнал. М.–Л., 1925. Т. 3 (10). С. 48.

245.

Шапошников Б.М. Указ. соч. С. 52.

246.

История дипломатии. Т. 2. С. 149.

247.

Игнатьев А.В. Указ. соч. С. 77.

248.

Там же. С. 77.

249.

АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия министра. 1908. Д. 42. Л. 70.

250.

АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. 1908 Д. 204. Л. 95.

251.

ГА РФ. Ф. 102 ДП ОО. 1917. Д. 307 ЛА. Л. 127.

252.

История дипломатии. Т. 2. С. 151.

253.

Император Франц-Иосиф – Императору Николаю II 16/29 сентября 1908 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1375. // Красный архив. М. – Лг., 1925. Т. 3 (10). С. 42–43.

254.

Чернов О.А. Проблема проливов Босфор и Дарданеллы в дипломатической деятельности и исторических взглядах Н.В. Чарыкова // Историческая память и общество: эпохи, культуры, люди: Материалы научной конференции, посвящённой 90-летию ист. образования в Саратовском ун-те. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2008. С. 94–111.

255.

Чернов О.А. Проблема проливов Босфор и Дарданеллы... С. 99.

256.

АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия министра. 1908. Д. 204. Л. 173.

257.

Коковцов В.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 335.

258.

Император Николай II – императору Вильгельму II 15 декабря 1908 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 421.

259.

Тэйлор А.-Дж. Борьба за господство в Европе. 1948–1918. М., 1958. С. 457.

260.

Игнатьев А.В. Указ. соч. С. 81.

261.

Чернов О.А. Проблема проливов Босфор и Дарданеллы... С. 99.

262.

Там же. С. 100.

263.

Сборник секретных документов из архива бывшего МИД. Пг., 1917. Вып. 1. Док. 2. С. 4.

264.

Резолюция Императора Николая II на докладе Н.В. Чарыкова 23 сентября 1908 г. // Красный архив. Исторический журнал. М.–Л., 1925. Т. 3 (10). С. 44.

265.

Император Николай II – Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2330. Л. 69.

266.

Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. С. 232.

267.

Шапошников Б.М. Указ. соч. С. 53.

268.

Император Николай II – императору Францу Иосифу 17 декабря 1908 г. // Красный архив. М.–Л., 1925. Т. 3 (10). С. 48.

269.

Ф.В. Дубасов – Императору Николаю II 25 сентября 1908 г. // ГА РФ. Ф. 601. Д. 750. Оп. 1. Л. 24.

270.

Шапошников Б.М. Указ. соч. С. 56.

271.

Там же. С. 57.

272.

Лунёва Ю.В. Босфор и Дарданеллы... С. 64.

273.

А.П. Извольский – Н. В. Чарыкову 25 сентября 1908 г. // ГА
РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 750. Л. 23.